

Первая ночь

Автор:

Марк Леви

Первая ночь

Марк Леви

День и ночь #2

«Первая ночь» – продолжение романа «Первый день». Эдриен летит в Китай и находит Кейру. Несмотря на нависшую над ними опасность, они вновь отправляются в путь. Разгадка тайны все ближе, но каждый шаг дается все тяжелее. Герои понимают, что шансов уцелеть у них почти не осталось...

Марк Леви

Первая ночь

Marc Levy

La premi?re nuit

www.marclevy.info

© Marc Levy/Susanna Lea Associates, 2009

© Клокова Е., перевод на русский язык, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017

Издательство Иностранка

Книги одного из самых популярных французских писателей Марка Леви переведены на сорок пять языков и расходятся многомиллионными тиражами.

За право экранизации первого его романа, супербестселлера «Между небом и землей», Стивен Спилберг заплатил два миллиона долларов.

Полине и Луи

В каждом из нас живет

Робинзон, жаждущий

открыть для себя новый мир

и встретить своего Пятницу.

Элеонора Вулфилд

Эта история – правда, потому

что я ее придумал.

Борис Виан

Меня зовут Уолтер Гленкорс, я сотрудник Лондонской Королевской Академии наук. Мы познакомились с Эдриеном чуть меньше года назад, когда его в экстренном порядке вернули в Англию из Чили, где он работал в астрономическом городке в Атакаме – искал изначальную звезду.

Эдриен – талантливейший астрофизик. Довольно скоро мы стали настоящими друзьями.

Эдриен жаждал вернуться к исследованию происхождения Вселенной, моя карьера в Академии находилась в плачевном состоянии из-за недостатка финансирования, и я убедил его принять участие в конкурсе, объявленном неким богатым научным фондом.

Мы несколько недель готовили презентацию проекта Эдриана и очень сблизились... Впрочем, это я уже говорил...

Мы проиграли, и грант достался молодой отважной женщине, которая вела археологические раскопки в долине Омо в Эфиопии, пока песчаная буря, уничтожившая лагерь, не вынудила ее вернуться во Францию.

В тот вечер, когда все началось, она тоже находилась в Лондоне – ждала решения жюри в надежде получить деньги, вернуться в Африку, продолжить раскопки и найти прародителей человечества.

Жизнь любит играть с нами в кошки-мышки, преподнося неожиданные сюрпризы. Когда-то у Эдриена с Кейрой случился бурный роман, но потом они расстались и больше не виделись.

Она праздновала победу, он переживал поражение, они провели вместе ночь, а утром Кейра уехала, оставив Эдриену воспоминание о былой идиллии и привезенный из Африки странный кулон: этот камень нашел в кратере вулкана маленький эфиопский мальчик по имени Гарри, к которому Кейра очень привязалась.

Однажды грозовой ночью, после расставания с Кейрой, Эдриен обнаружил, что кулон наделен странными свойствами: если на камень попадал яркий свет – например отблеск молнии, – он начинал светиться тысячами мельчайших точек.

Эдриен быстро разгадал загадку. Удивительно, но светящиеся точки на камне соответствовали карте звездного неба, вернее, отдельного участка неба, каким он был четыреста миллионов лет назад.

Пораженный невероятным открытием, Эдриен отправился в Эфиопию, к Кейре.

К несчастью, загадочный кулон интересовал не только Эдриена с Кейрой. Однажды, навещая в Париже сестру, Кейра познакомилась со стариком этнологом по фамилии Айвори. Этот человек связался со мной и убедил – самым гнусным, должен это признать, способом! – склонить Эдриена к продолжению поисков.

В качестве платы за услугу он передал мне небольшую сумму денег и пообещал сделать щедрое пожертвование Академии, если Эдриен и Кейра преуспеют в работе. Я заключил сделку. В тот момент я не знал, что за моими молодыми друзьями следит тайная организация, которая, в отличие от Айвори, стремится любой ценой помешать им добиться успеха и отыскать другие фрагменты.

Старый профессор открыл Эдриену и Кейре, что найденный в вулкане предмет – не единственный в своем роде и по планете разбросаны еще четыре или пять подобных фрагментов. Они решили найти их.

Поиски привели их из Африки в Германию, из Германии в Англию, из Англии на границу Тибета, потом они тайно пересекли территорию Бирмы, отправились на Андаманский архипелаг, где на острове Наркондам Кейра отыскала второй камень.

Они решили сравнить фрагменты, и тут случилось нечто необъяснимое: камни притянуло один к другому как магнитом, они засияли фантастическим синим светом, отбрасывая тысячи искр. Вдохновленные невероятным зрелищем, Эдриен и Кейра пренебрегли предостережениями и угрозами тайной организации и улетели в Китай.

Каждый член этого загадочного «ордена» называет себя именем столицы или иного крупного города той страны, которую представляет. Лондон – англичанин лорд Эштон – был самым непримиримым из всех, он решил любой ценой остановить Кейру и Эдриена.

Что я наделал, побуждая их продолжить поиски? Почему не внял грозному предупреждению, когда на наших глазах убили священника, как мог не осознать всю серьезность положения и не послать к черту профессора Айвори? Почему не предостерег Эдриена, а манипулировал им, как и старый этнолог, называя себя при этом его другом?

Перед самым отъездом из Китая Эдриен и Кейра стали жертвами жестокого покушения. Они ехали на джипе по горной дороге, автомобиль без номеров столкнул их с обрыва. Машина упала в Хуанхэ. Эдриена вытащили из воды находившиеся на берегу монахи, но тело Кейры так и не нашли.

Эдриен поправился и улетел в Англию. Он был так потрясен гибелью Кейры, что не захотел возвращаться к работе и отправился на Гидру – маленький остров, где прошло его детство: родителями Эдриена были англичанин и гречанка.

Прошло три месяца. Эдриен горевал по любимой, я терзался чувством вины, и тут в Академию на его имя пришла посылка из Китая.

Некто, не пожелавший сообщить свое имя, прислал вещи, оставленные Эдриеном и Кейрой в монастыре, и несколько снимков, на которых я без труда узнал молодую женщину. На лбу у нее был странный шрам, о чем я немедленно известил Айвори. Он сумел убедить меня, что Кейра, возможно, жива.

Я хотел промолчать, оставить Эдриена в покое, но разве можно было скрывать подобное?

Я отправился на Гидру, и обретший надежду Эдриен полетел в Пекин.

Я пишу эти строки, чтобы однажды передать их Эдриену как признание вины. Я каждый вечер молю Бога, чтобы ему довелось прочесть мою покаянную исповедь, и надеюсь, что он простит причиненное мною зло.

Афины, 25 сентября

Уолтер Гленкорс,

сотрудник Королевской Академии наук

Дневник Эдриена

Номер 307. Я не обратил внимания на вид из окна, когда впервые ночевал здесь, потому что был тогда очень счастлив, а счастье делает человека рассеянным. Я сижу у окна за узким письменным столом, смотрю на Пекин и чувствую себя потерянным, как никогда в жизни. Мне невыносима одна только мысль о том, чтобы взглянуть на кровать. Я потерял тебя, и эта утрата вошла в меня, как маленькая смерть, и пожирает изнутри, как мерзкий грызун. Я попытался заглушить боль, запив завтрак рисовой водкой, но алкоголь не помог.

За десять часов полета я ни разу не сомкнул глаз, так что мне обязательно нужно поспать перед дорогой. Забыться на несколько мгновений – о большем я не мечтаю, хочу провалиться в глухую пустоту и не вспоминать о пережитом.

«Ты здесь?»

Несколько месяцев назад ты задала мне этот вопрос через дверь ванной. Сегодня я слышу только мерный стук капель, стекающих из ржавого крана в старую раковину.

Я отталкиваю стул, надеваю пальто и выхожу из гостиницы. Беру такси, выхожу из парка Цзиншань, иду в розарий и поднимаюсь на перекинутый над прудом каменный мостик.

«Я так счастлива здесь».

Я тоже был счастлив. Если бы я только знал, какую участь мы, сами того не понимая, уготовили себе в жажде открытий и приключений. Если бы можно было остановить время, я остановил бы его в то самое мгновение. Если бы я мог вернуться назад, вернулся бы в тот день, в тот розовый сад...

Я вернулся туда, где дал обет, на аллею парка Цзиншань, к кусту белых роз. Но время не остановилось.

Я вхожу в Запретный город через северные ворота и бреду по аллеям, думая о тебе.

Я ищу каменную скамью под большим деревом, этакий одинокий риф, на котором совсем недавно сидела пожилая китайская пара. Может, найдя их, обрету и успокоение, их улыбка тогда показалась нам обещанием счастья, хотя они, возможно, смеялись над тем, что нас ждет.

Я отыскал скамью – она пустовала – и улегся на ней. Ветви ивы колыхались на ветру, укачивая меня своим беспечным танцем. Я закрыл глаза, мне привиделось твое лицо, и я уснул.

Наступил вечер, и полицейский попросил меня уйти.

Я вернулся в гостиницу и поднялся в номер. Городские огни разогнали темноту. Я сдернул с кровати покрывало, бросил его на пол и лег, свернувшись клубком. Свет фар проезжавших по улице машин рисовал на потолке затейливые узоры. Ни к чему попусту тратить время, уснуть все равно не получится.

Я сложил вещи, оплатил счет и забрал со стоянки машину.

Бортовой навигатор показал на экране маршрут на Сиань. На подъезде к большим городам ночь отступает и вновь вступает в свои права в сельской местности.

Я остановился в Шицзячжуане, чтобы заправиться, но еду покупать не стал. Ты назвала бы меня трусом – и была бы права, но я не чувствую голода, так зачем искушать дьявола.

Через сто километров я заметил на вершине холма заброшенную деревню и поехал по разбитой дороге, чтобы посмотреть, как над долиной встает солнце. Говорят, что улицы и дома хранят память о мгновениях счастья, пережитых любящими душами. Наверное, это просто красивая легенда, но сегодня утром мне необходимо в нее верить.

Я брожу по пустынным улочкам, прохожу мимо фонтана на центральной площади. Чаша, которую ты нашла в развалинах конфуцианского храма, исчезла. Как ты и думала, кто-то прибрал ее к рукам.

Я сажусь на камень у подножия утеса и караулю рассвет. Небо светлеет, и я снова отправляюсь в путь.

Дорога до Линьфеня так же мучительна, как и в первый раз, от пыли у меня першит в горле, и я достаю лоскут ткани, из которой ты тогда соорудила нам маски. Я нашел его в присланных в Грецию вещах, аромат твоих духов испарился, но я прикладываю шелк к губам и вспоминаю каждое твое движение, каждый жест.

Ты тогда пожаловалась, сказала:

«Адская вонь...»

...впрочем, ты ворчала по любому поводу. Как же мне хочется услышать сегодня твои попреки...

Когда мы проезжали эти места в прошлый раз, ты полезла в сумку, уколола палец и обнаружила спрятанный микрофон. Мне тогда же следовало сказать тебе: мы не готовы к тому, что нас ждет, мы не искатели приключений, а ученые, поэтому мы возвращаемся.

Видимость просто ужасная, нужно прогнать печальные мысли и сосредоточиться на дороге.

Я помню, как, выехав из Линьфеня, остановился на обочине и просто выбросил микрофон. Меня взбесило вторжение в нашу личную жизнь, но я не задумался об опасности. Именно там я признался, что хочу тебя, но не рассказал, что? люблю

в тебе – скорее из целомудрия, чем из намерения затеять любовную игру.

Я подъезжаю к месту, где случилась авария, где убийцы столкнули нас с дороги, и у меня начинают дрожать руки.

«Лучше пропусти их».

Мой лоб покрывается испариной.

«Тормози, Эдриен, прошу тебя».

У меня щиплет глаза.

«Это невозможно, они висят у нас на хвосте».

«Ты пристегнута?»

Ты ответила утвердительно на мой вопрос, больше напоминавший приказ. Первый удар бросил нас вперед. Ты так крепко держишься за ремень, что от напряжения побелели пальцы. Сколько раз нас ударили буфером, прежде чем мы пробили ограждение и свалились в пропасть?

Я обнял тебя, когда мы начали погружаться в воды Хуанхэ, смотрел на тебя, глаза в глаза, пока мы тонули, я не покидал тебя до самого последнего мгновения, любовь моя. Я еду по горной дороге, стараясь совладать с нервами и держать руль покрепче. Неужели я пропустил ведущую к монастырю тропинку? С тех пор как я покинул Китай, это место занимает все мои мысли. Лама из монастыря – единственный, кого я знаю в чужой стране. Он один может навести меня на след, чтобы отыскать тебя, никто другой не поддержит теплящуюся в душе надежду, что ты все еще жива. Твоя фотография со шрамом на лбу – слабое утешение, но я достаю ее из кармана по сто раз на дню. Я замечаю въезд, не успеваю затормозить, проскакиваю и сдаю назад.

Колеса джипа буксуют в осенней грязи. Всю ночь шел дождь. Я оставляю машину на опушке и иду дальше пешком. Если память меня не подводит, надо перейти ручей вброд, подняться на холм, и я увижу с вершины крышу монастыря.

Мне понадобился час на то, чтобы перебраться по скользким, едва выступавшим из воды валунам на другой берег. Думаю, ты бы здорово повеселилась, глядя на мои не слишком ловкие пируэты.

Эта мысль дает мне мужество продолжать.

Ноги вязнут в жирной грязи, мне кажется, что я скорее отступаю, чем продвигаюсь вперед. Требуется немало сил, чтобы добраться до вершины холма. Я вымок, перепачкался и стал похож на бродягу; не знаю, какой прием окажут мне три спешащих навстречу монаха.

Они делают мне знак следовать за ними. Мы входим в ворота, и один из братьев – тот, что все время проверял, не отстал ли я, – ведет меня в тесную комнатку. Она напоминает ту, где ночевали мы с тобой. Монах приглашает меня сесть, наполняет тазик водой, оmyвает мне лицо, руки и ноги, потом кладет на постель льняные штаны и чистую рубаху и выходит; до вечера я его больше не увижу.

Чуть позже другой монах приносит мне поесть и раскатывает на полу циновку – значит, ночевать я буду тут же.

Когда последний луч солнца истаивает за горизонтом, появляется человек, которого я так жаждал увидеть.

– Не знаю, что вас сюда привело, – говорит он, – разве что желание удалиться от мира, в противном случае буду признателен, если вы завтра же уедете. У нас было достаточно неприятностей по вашей вине.

– Вам что-нибудь известно о Кейре, молодой женщине, что была тогда со мной? Вы ее потом видели? – с тоскливой тревогой в голосе спросил я.

– Случившееся с вами очень печально, но тот, кто сказал, что она выжила в катастрофе, солгал. Не стану утверждать, будто мне известно все, что происходит в округе, но о таком событии я бы знал.

– Это не был несчастный случай! Ваша религия отвергает ложь, так что я повторю свой вопрос: вы уверены, что Кейра погибла?

- Не стоит повышать голос в этих стенах, крик не подействует ни на меня, ни даже на наших послушников. Нет, я не уверен, да и какая тут может быть уверенность? Река не вернула тело вашей подруги - вот все, что мне известно. Принимая во внимание скорость течения и глубину, это совершенно естественно. Прошу меня простить, вам мучительно слышать такие детали, но вы сами спросили.

- А машину выловили?

- Если ответ для вас принципиально важен, задайте вопрос властям, хотя я вам не советую.

- Почему?

- Я уже говорил - у нас были неприятности, но вас это, судя по всему, мало волнует.

- Какого рода неприятности?

- Думаете, приключившийся с вами несчастный случай остался без последствий? Секретная служба провела расследование. Исчезновение иностранной гражданки на территории Китая далеко не заурядное событие. Власти и так не благосклонны к монастырям: нас навестили весьма недружественные визитеры. Монахов допрашивали с пристрастием, и мы, не желая лгать, признали, что дали вам приют. Сами понимаете, послушникам не слишком нравится ваше возвращение сюда.

- Кейра жива, поверьте мне и помогите.

- В вас говорят чувства, вы цепляетесь за надежду, но, отказываясь смотреть правде в лицо, только длите пожирающую вас изнутри муку. Если бы ваша подруга выжила, нас бы об этом известили. В горах ничего нельзя утаить. Боюсь, она осталась пленницей реки, о чем я искренне горюю и разделяю вашу печаль. Теперь я понимаю, зачем вы приехали, и мне совсем не нравится отчитывать вас. Человеку тяжело скорбеть, не совершив похоронного обряда, но душа вашей подруги пребывает рядом с вами и не покинет вас, пока вы ее помните.

– Избавьте меня от всей этой чуши! Я не верю ни в Бога, ни в лучший мир.

– И имеете на это полное право... Но для неверующего вы слишком часто оказываетесь в монастыре.

– Существой ваш Бог, он бы не допустил ничего подобного.

– Послушайте вы меня, когда я уговаривал вас не взбираться на гору Хуашань, трагедии не случилось бы. Раз вы не ищете убежища от мира, не стоит далее оставаться в этих стенах. Переночуйте у нас и уезжайте. Я вас не гоню, это не в моей власти, но буду благодарен, если вы не станете злоупотреблять нашим гостеприимством.

– Если Кейра вдруг выжила, где она может быть?

– Возвращайтесь домой!

Монах ушел.

Ночью я не сомкнул глаз, пытаюсь найти решение. Фотография не может быть подделкой. Я изучал ее все десять часов перелета из Афин в Пекин, продолжаю и теперь – при свете свечи. Шрам у тебя на лбу кажется мне неоспоримым доказательством. Я не могу заснуть, встаю, стараясь не шуметь, отодвигаю перегородку из рисовой бумаги, заменяющую дверь. Иду по коридору на слабый свет к келье, где спят шестеро монахов. Один из них, должно быть, почувствовав мое присутствие, переворачивается на другой бок, глубоко вздыхает, но, к счастью, не просыпается. Я на цыпочках перешагиваю через лежащие на полу тела и выхожу во двор. Почти полная луна отражается в воде колодца. Я присаживаюсь на приступку.

За спиной раздается какой-то шум, я вздрагиваю, и мне зажимают рот рукой. Я узнаю моего ламу, он знаком зовет меня за собой. Мы покидаем стены монастыря, бредем по поляне, останавливаемся под старой ивой, где он наконец поворачивается ко мне.

Я показываю ему фотографию Кейры.

– Когда вы поймете, что подвергаете опасности всех нас? И в первую очередь себя? Вам следует уехать, вы натворили достаточно бед.

– Каких бед?

– Разве вы не сказали, что несчастный случай не был таковым? Почему, как вы думаете, я увел вас из монастыря? Я никому не могу доверять. Те, кто на вас напал, в следующий раз не промахнутся, если вы снова подставитесь. Вы не слишком осторожны, и ваше присутствие в наших местах наверняка не осталось незамеченным – я бы удивился обратному. Возвращайтесь поскорей в Пекин и садитесь в первый самолет до Лондона.

– Я не уеду без Кейры.

– Вам следовало лучше ее защищать, теперь слишком поздно. Не знаю, что вы двое обнаружили, и не хочу знать, но еще раз заклинаю – унесите отсюда ноги!

– Скажите мне хоть что-нибудь, намекните, укажите след, и я обещаю, что покину монастырь на рассвете.

Монах пристально взглянул на меня и, не сказав ни слова, пошел к храму. Я последовал за ним. Во дворе по-прежнему царили тишина и покой, и он проводил меня до комнаты.

Разница во времени и усталость сделали свое дело – я проспал. Около полудня лама принес мне чашку бульона и миску риса на деревянном подносе.

– Если кто-нибудь увидит, как я подаю вам завтрак в постель, решат, что я хочу превратить келью в гостиничный номер, – сказал он и улыбнулся. – Подкрепитесь перед дорогой. Вы ведь покидаете нас сегодня, не так ли?

Я кивнул. Упираясь бессмысленно, больше он ничего мне не скажет.

– Счастливого возвращения домой, – пожелал лама и покинул меня.

Взяв с подноса пиалу с бульоном, я обнаружил сложенный вчетверо листок; повинувшись инстинкту, спрятал его в ладони и незаметно опустил в карман. Проглотив завтрак, быстро оделся, умирая от желания прочесть записку, но двое послушников ждали у двери и довели меня до опушки.

При расставании они передали мне завернутый в крафтовую бумагу и перевязанный пеньковой веревкой пакет. Я сел в машину, дождался, когда монахи скроются из виду, и развернул листок.

Если вы откажетесь последовать моим советам, знайте: я слышал, что в монастыре Гартар появился молодой монах – через несколько месяцев после случившейся с вами аварии. Вряд ли этот факт имеет отношение к вашим поискам, но в эту обитель редко принимают новых послушников. Мне также сообщили, что молодого человека, судя по всему, не радовала жизнь в монастыре. Никто не знает, кто он и откуда. Если решили упорствовать и продолжать бессмысленные поиски, езжайте в Чэнду. Добравшись до места, бросьте машину. Люди, живущие в тех краях, очень бедны, и ваш джип привлечет ненужное внимание. Переоденьтесь в одежду, что я послал, это поможет вам затеряться среди жителей долины. Садитесь в автобус до горы Яла. Больше мне нечего вам посоветовать, иностранцев не допускают в монастырь Гартар, но кто знает, возможно, удача вам улыбнется.

Будьте осторожны, вы не один. И главное, сожгите эту записку.

От Чэнду меня отделяли восемьсот километров, за девять часов доберусь.

Слова ламы не слишком меня обнадежили, он мог написать все это с единственной целью – заставить неудобного гостя убраться из монастыря, но вряд ли монах способен на подобную жестокость. Сколько раз я буду возвращаться к этой мысли по дороге в Чэнду...

Высящиеся слева от дороги горы отбрасывают на пыльно-серую долину грозные тени. Дорога идет с востока на запад по равнине, посреди которой высятся трубы двух доменных печей.

Угольные разработки под хмурым, нависающим над карьерами небом – невыносимо печальное зрелище заброшенных рудников.

Дождь идет не переставая, «дворники» не справляются с работой, дорога скользкая. Когда я обгоняю грузовики, водители странно на меня поглядывают. Вряд ли в этот район Китая приезжает много туристов.

За спиной двести километров, впереди еще шесть часов пути. Мне хочется позвонить Уолтеру, позвать его сюда; одиночество угнетает, я с трудом справляюсь с собой. Эгоизм молодости утонул в мутных водах Хуанхэ. Я бросаю взгляд на свое отражение в зеркале и понимаю, что мое лицо изменилось. Уолтер скажет, что все дело в усталости, но я знаю, что перешел черту и пути назад нет. Как бы мне хотелось встретиться с Кейрой намного раньше и не потратить впустую время, много времени, когда я верил, что счастье заключается в работе. Нет, счастье в другом, оно куда проще.

На краю долины стоят горы. Указатель сообщает, что до Чэнду еще шестьсот километров (текст написан латиницей – дань времени!). Шоссе уходит в туннель в скале, и радио перестает работать. Плевать, азиатская попса успела надоест. На протяжении двухсот пятидесяти километров над глубокими каньонами нависают мосты. Остановлюсь на заправке в Гуанъюане.

Кофе не так плох.

Возвращаюсь в машину с пачкой печенья и еду дальше.

По узким долинам разбросаны крохотные деревушки. До Мяньяна добираюсь к восьми вечера. Этот город науки и высоких технологий выглядит таким современным, что потрясает воображение. На берегу реки выстроились в ряд башни из стекла и стали. Близится ночь, и усталость все сильнее давит на плечи. Нужно остановиться и поспать хоть несколько часов, чтобы восстановить силы. Смотрю в карту: путешествие автобусом из Чэнду в Гартар продлится несколько часов. Даже при самом удачном стечении обстоятельств сегодня вечером я туда не попаду.

Я нашел гостиницу. Оставил машину на стоянке и отправился прогуляться по бетонной эспланаде вдоль реки. Дождь перестал. Несколько ресторанчиков

обслуживают посетителей на промокших, обогреваемых газовыми лампами верандах.

Еда, на мой вкус, жирновата. Где-то далеко с оглушающим грохотом взлетает самолет, поднимается над городом и уходит на юг. Куда направляются все эти пассажиры, что сидят в креслах за ярко освещенными иллюминаторами? Лондон и Гидра так далеко... Тоска смертная. Если Кейра жива, почему не подает о себе вестей? Что такого случилось, чтобы вот так исчезнуть? Возможно, тот монах прав и я лишился рассудка, раз цепляюсь за иллюзорную надежду. Недосыпание усиливает меланхолию, и ночная темень затягивает меня. Ладони становятся влажными, все тело покрывается потом. Я дрожу, меня кидает то в жар, то в холод. Подходит официант, я догадываюсь, что он спрашивает, все ли со мной в порядке. Хочу ответить, но не могу вымолвить ни слова. Продолжаю вытирать затылок салфеткой, спина взмокла, голос официанта отдаляется; свет на веранде меркнет, все вокруг кружится, потом – пустота.

Помрачение рассеивается, свет возвращается, я начинаю слышать голоса – два или три? Со мной говорят на незнакомом языке. Лица касаются прохлады, нужно открыть глаза.

Старая женщина гладит меня по щеке, кивает, мол, худшее позади. Она дает мне попить, шепчет слова утешения.

По всему телу бегут мурашки, кровь снова несется по венам. У меня был обморок. Наверное, от усталости, а может, съел что-нибудь несвежее, не знаю, я сейчас слишком слаб, чтобы думать. Меня уложили на молескиновом диванчике в задней комнате ресторана. К старой даме, что заботится обо мне, присоединился ее муж. Морщинистое, как печеное яблоко, лицо лучится улыбкой.

Мне хочется поблагодарить их, и я пытаюсь заговорить.

Старик подносит к моим губам чашку и заставляет сделать глоток. Питье горчит, однако китайская медицина, как известно, творит чудеса, и я подчиняюсь.

Хозяева ресторана как две капли воды похожи на ту пару, что мы с Кейрой встретили в парке Цзиншань, и это меня успокаивает.

Лучшее, что я могу сейчас сделать, – это выспаться и набраться сил.

Париж

Айвори безостановочно ходил по гостиной. Он проигрывал партию: Вакерс передвинул коня, угрожая его королеве. Айвори подошел к окну, отодвинул штору и взглянул на плывущий вниз по Сене речной трамвайчик.

– Хотите об этом поговорить? – спросил Вакерс.

– О чем – об этом?

– О том, что занимает все ваши мысли.

– У меня озабоченный вид?

– Ваша манера игры заставляет сделать подобное предположение, если только вы не хотите поддаться, но в таком случае вы так явно дарите мне победу, что это почти оскорбительно. Лучше расскажите, что вас тревожит.

– Ничего. Я плохо спал прошлой ночью. Увы – раньше я мог не спать по двое суток. Чем мы провинились перед Богом, что он наказывает нас старением?

– Не то чтобы я был слишком высокого мнения о нас обоих, но нам Господь явно явил милосердие.

– Не сердитесь. Пожалуй, будет лучше закончить на сегодня. Тем более что через четыре хода вы поставите мне мат.

– Через три! Вы озабочены куда сильнее, чем я мог предположить, но не буду настаивать. Я ваш друг, расскажете, когда сочтете нужным.

Вакерс встал и направился к двери, надел в прихожей плащ и обернулся: Айвори по-прежнему смотрел в окно.

– Завтра я возвращаюсь в Амстердам. Приезжайте на несколько дней, прохлада каналов вернет вам сон. Будете моим гостем.

– Я полагал, что нам лучше не появляться вместе...

– Дело закрыто, так что больше нет нужды в тайных играх. И бросьте терзаться, вы ни в чем не виноваты. Мы должны были предвидеть реакцию сэра Эштона и его упреждающий удар. Я не меньше вашего удручен тем, как все закончилось, но тут вы бессильны.

– Все подозревали, что рано или поздно сэр Эштон вмешается, но позиция лицемерного умолчания всех устраивала. Вам это известно не хуже моего.

– Клянусь вам, Айвори, если бы я только мог предположить, что он станет действовать так жестоко и стремительно, сделал бы все, чтобы ему помешать.

– И что конкретно было в ваших силах?

Вакерс посмотрел на Айвори и отвел взгляд.

– Приглашение в Амстердам остается в силе, приезжайте когда захотите. И последнее: давайте не будем учитывать результат сегодняшней партии. Всего наилучшего.

Не дождавшись ответа, Вакерс покинул квартиру, сел в лифт и нажал на кнопку первого этажа. Его шаги отозвались гулким эхом в пустом холле. Он потянул на себя тяжелую дверь подъезда и перешел на другую сторону улицы.

Ночь была теплая. Вакерс спустился на Орлеанскую набережную и взглянул на фасад дома: на шестом этаже в окнах гостиной Айвори погас свет. Он пожал плечами и продолжил прогулку. Как только он свернул за угол улицы Ле-Регратье, припаркованный у тротуара «ситроен» дважды мигнул фарами. Вакерс открыл дверцу и устроился на пассажирском сиденье. Водитель протянул руку к ключу зажигания, но голландец жестом остановил его:

- Подождем несколько минут, если не возражаете.

Они не разговаривали. Тот, кто сидел за рулем, достал из кармана пачку сигарет и чиркнул спичкой:

- По какой причине мы торчим тут у всех на виду?

- Телефонная кабина прямо напротив.

- О чем вы? На набережных нет кабин.

- Будьте любезны, затушите сигарету.

- Вы стали борцом с курением?

- Нет, но огонек могут заметить с улицы.

На набережную вышел мужчина. Остановился, облокотился о парапет.

- Это Айвори? - спросил человек за рулем.

- Нет, папа римский!

- Он говорит сам с собой?

- Он звонит.

- Кому?

- Не валяйте дурака! Если человек вышел из дому среди ночи, чтобы сделать телефонный звонок с набережной, значит, хочет, чтобы имя собеседника оставалось тайной для остальных.

- Так зачем сидеть в засаде, раз мы все равно не можем услышать его разговор?

- Хочу проверить одну догадку.
- Проверили? Можем ехать?
- Нет, меня интересует, что будет дальше.
- Значит, у вас есть догадка?
- До чего же вы болтливы, Лоренцо! Как только он повесит трубку, выбросит симку сотового в Сену.
- Собираетесь нырять за ней?
- Вы и впрямь круглый идиот, дружище.
- Чем оскорблять, лучше объясните, чего мы ждем.
- Узнаете через несколько мгновений.

Лондон

В маленькой квартире на Олд-Бромптон-роуд зазвонил телефон. Уолтер поднялся с кровати, накинул халат и вышел в гостиную.

- Иду, иду! - закричал он, подходя к круглому столику, где стоял аппарат.

Он сразу узнал голос звонившего.

- По-прежнему ничего?

- Нет, я вернулся из Афин вечером. Он там всего четыре дня, надеюсь, скоро у нас будут хорошие новости.

- Я бы тоже хотел так думать, но не могу не тревожиться, я не спал всю ночь. Чувствую себя беспомощным, и это меня ужасает.

- Честно говоря, профессор, я тоже мало спал в последние дни.

- Думаете, он в опасности?

- Меня заверили в обратном, призвали к терпению, но видеть его в таком состоянии очень тяжело. Диагноз поставлен, это оказалось несложно.

- Я хочу знать, не покушался ли кто-то на его жизнь. Для меня это принципиально важно. Когда вы возвращаетесь в Афины?

- Завтра вечером, самое позднее – послезавтра, если не успею закончить все дела в Академии.

- Сразу же мне позвоните и постарайтесь хоть немного отдохнуть.

- Вы тоже. До свидания. Надеюсь, до завтра.

Париж

Айвори избавился от сим-карты и пошел назад. Вакерс и человек за рулем вжались в сиденья и инстинктивно пригнули головы, хотя он вряд ли мог их заметить. Через несколько мгновений силуэт Айвори исчез за углом.

- Ну что, мы можем наконец ехать? – поинтересовался Лоренцо. – Я проторчал тут весь вечер и голоден как волк.

- Придется вам еще немного потерпеть.

Свет фар разорвал завесу темноты над набережной, и к тому месту, где только что стоял Айвори, подъехала машина. Водитель вышел, перегнулся через парапет, пытаясь разглядеть что-то на берегу, пожал плечами и вернулся к

своему автомобилю. Взвизгнули шины, и незнакомец скрылся из виду.

– Как вы узнали? – спросил Лоренцо.

– Гнусное предчувствие. К сожалению, теперь, когда я разглядел номер, опасения подтвердились.

– Что в нем такого ужасного, в этом номере?

– Вы действительно не понимаете или пытаетесь развеселить меня? Номерной знак принадлежит английскому посольству. Мне продолжить объяснения или вы ухватили суть?

– Сэр Эштон установил слежку за Айвори?

– Думаю, на сегодняшний вечер с меня довольно. Будьте так любезны, отвезите меня в гостиницу.

– Довольно, Вакерс, я не ваш личный шофер. Вы попросили меня посидеть в засаде, сказали, что это крайне важно, я два часа мерз в машине, пока вы в тепле и уюте пили коньяк, но узнал одно: ваш друг по неизвестной причине выбросил в Сену плату мобильного, а машина консульской службы Ее Величества почему-то следит за ним. Так что либо возвращайтесь в отель пешком, либо объясните, что происходит.

– Учитывая тьму, в которой вы блуждаете, мой дорогой Рим, так и быть, попробую вас просветить! Раз Айвори не поленился выйти из дому в полночный час, чтобы сделать телефонный звонок, значит, он принимает меры предосторожности. Раз англичане караулят у его дома, следовательно, дело, занимавшее нас все последние месяцы, отнюдь не завершено, как нам хотелось бы думать. Вы следите за моей мыслью?

– Не считайте меня глупее, чем я есть, – бросил Лоренцо, поворачивая ключ в замке зажигания.

Машина выехала на мост Мари.

– Если Айвори так осторожничает, значит, он опережает меня на ход, – продолжил Вакерс. – А я-то полагал, что сегодня вечером выиграл партию. Воистину этот человек не перестает меня удивлять.

– Что вы собираетесь предпринять?

– Сейчас – ничего, и вы тоже не скажете ни слова о том, что узнали сегодня вечером. Еще не время. Если мы предупредим остальных, каждый начнет интриговать и возникнет взаимное недоверие, как в недавнем прошлом. Я знаю, что могу полагаться на Мадрид. А кстати, Рим, на чьей стороне окажетесь вы?

– В данный конкретный момент я нахожусь слева от вас. Это в какой-то мере отвечает на ваш вопрос?

– Необходимо как можно скорее найти астрофизика. Готов поспорить, он уже не в Греции.

– Вернитесь и задайте этот вопрос вашему другу. Если нажмете, он, возможно, сообщит вам полезную информацию.

– Думаю, Айвори известно не больше нашего. Он сегодня был очень невнимателен за игрой и вообще выглядел озабоченным – наверное, потерял след. Мы так давно знакомы, что я готов поручиться: мой старый друг что-то замышляет. Как поживают ваши китайские источники? Можете к ним обратиться?

– Зависит от того, что мы хотим узнать и сколько готовы за это заплатить.

– Постарайтесь выяснить, находится ли Эдриен на территории Китая, брал ли он напрокат машину и не расплачивался ли, на наше счастье, кредиткой за гостиницу или за что-нибудь еще.

Все было сказано, и Лоренцо за десять минут довез Вакерса по пустынному Парижу до гостиницы «Монталамбер».

– Постараюсь добиться от китайцев всего, что смогу, но потребую от вас ответной услуги, – пообещал он.

– Представьте результат, мой дорогой Рим, а уж потом выставляйте счет. До скорой встречи и спасибо за прогулку.

Вакерс вышел из «ситроена» и направился в гостиницу. Вместе с ключом от номера портье вручил ему конверт:

– Это для вас, мсье.

– Давно принесли? – удивился Вакерс.

– Несколько минут назад. Таксист.

Заинтригованный Вакерс пошел к лифтам, поднялся в апартаменты на пятом этаже и только тогда распечатал письмо.

Дорогой друг!

Боюсь, что не смогу, как это ни жаль, принять Ваше любезное приглашение посетить Амстердам. Поверьте, мне бы очень хотелось приехать и сыграть еще одну партию в шахматы, но, как Вы догадываетесь, некое дело вынуждает меня задержаться в Париже.

И все же я надеюсь увидеться с Вами в самом скором времени. Уверен, так и будет.

Преданный Вам

Айвори.

P. S. К вопросу о моей короткой ночной прогулке: Вы приучили меня к осторожности. Кто курил, сидя в том красивом черном «ситроене»? Или он был темно-синий? Зрение все чаще подводит меня...

Вакерс сложил листок и усмехнулся. Монотонность жизни прискучила ему. Он знал, что эта операция станет последней в его карьере, и ему нравилось, что Айвори нашел способ подбросить угля в топку и «раскочегарить машину». Вакерс сел за маленький письменный стол, снял трубку и набрал номер телефона в Мадриде. Он извинился перед Исабель за поздний звонок, объяснив, что дело приняло неожиданный оборот и ждать до утра было невозможно.

Мяньян, Китай

Я очнулся на рассвете. Старая китаянка, не отходившая от меня всю ночь, спала в большом кресле. Я откинул плед и сел. Женщина открыла глаза, взглянула на меня с ласковым участием и приложила палец к губам, прося не шуметь. Потом принесла стоявший на чугунной плите чайник. От ресторанный зала комнату отделяет перегородка. Члены семьи спят на разложенных на полу матрасах. Двое мужчин – на вид им лет по тридцать – лежат у единственного в комнате окна. Я узнаю того, кто подавал мне вчера еду, и его брата – он заправлял на кухне. Их младшая сестра – я бы дал ей лет двадцать – устроилась на диванчике рядом с угольной печкой. Муж моей гостеприимной хозяйки ночевал на столе, подсунув под голову подушку; он лежит под одеялом в толстом шерстяном свитере и брюках. Когда я потерял сознание, меня перенесли на диван-кровать, на котором обычно спят супруги. Каждый вечер они сдвигают несколько столов и превращают заднюю комнату в спальню. Мне ужасно неловко за вторжение в их частную жизнь, если в данном случае уместно говорить о таковой. Кто из моих лондонских соседей по кварталу уступил бы свою кровать незнакомому человеку, да к тому же иностранцу?

Женщина подает мне дымящийся чай. Объясняем мы жестами.

Я беру чашку и выхожу в зал. Она задвигает за мной перегородку.

На набережной пусто, я подхожу к парапету и смотрю на реку, плавно несущую свои воды на запад. Над поверхностью клубится утренний туман. Маленькая джонка медленно скользит по воде. Сидящий на носу лодочник приветствует меня взмахом руки, и я машу в ответ.

Замерзнув, сую руки в карманы и нащупываю фотографию Кейры.

Почему именно в этот момент в голове всплывает воспоминание о нашем вечере в Небре? Та бурная ночь очень нас сблизила...

Сейчас я отправлюсь в путь. Не знаю, когда доберусь до монастыря и как туда проникну, да и какая мне разница, ведь это единственная ниточка, которая может привести к тебе... если ты еще жива.

Почему я чувствую такую слабость?

В нескольких шагах от меня на набережной стоит телефонная кабина. Мне хочется услышать голос Уолтера. У кабины китчевый вид в стиле семидесятых годов. Аппарат принимает кредитные карты. Я набираю номер и слышу короткие гудки: должно быть, отсюда нельзя дозвониться за границу. Делаю еще две безрезультатные попытки и выхожу из кабины.

Пора распрощаться с моими гостеприимными хозяевами, оплатить счет за вчерашний ужин и ехать дальше. Они отказываются от денег, я рассыпаюсь в благодарностях, и мы расстаемся.

К полудню я добираюсь до Чэнду. Город выглядит грязным, беспокойным, агрессивным-напористым, но среди четырех башен и крупных застроек сохранились обветшавшие домишки. Нужно попасть на автовокзал.

Выхожу на облюбованную туристами Цзиньли-стрит в надежде встретить соотечественников и справиться у них о дороге в Гартар.

Парк Наньцзяо чудо как хорош, по озеру вдоль поросших печальными ивами берегов мирно скользят приплывшие из другого века лодки.

Я замечаю молодую пару – судя по всему, это американцы. Оба студенты, приехали в Чэнду по университетскому обмену.

Обрадовавшись случаю поговорить на родном языке, они объясняют, что вокзал находится на другом конце города. Девушка достает из рюкзака блокнот, делает запись на китайском, с каллиграфической точностью изобразив иероглифы, и я прошу написать название монастыря Гартар.

Я поставил машину на открытую стоянку. Переоделся, как велел мой лама, засунул в рюкзак свитер и кое-что из мелочей, вышел и запер дверцу.

В такси показал водителю записку, и через полчаса он доставил меня на автовокзал Угуйцяо. Прочитав написанное американской студенткой название, кассир берет с меня двадцать юаней, выдает билет, указывает на автобус № 12 и машет рукой, призывая поторопиться.

Я последним влезая в не слишком новый и не очень чистый автобус, нахожу место в хвосте и втискиваюсь между крупной костистой женщиной и бамбуковой клеткой с тремя большущими утками. В конце пути бедняжек ждет печальная участь, но помочь им я, увы, не в силах.

Автобус проезжает по мосту через реку Фунань и, скрежеща коробкой передач, вырывается на скоростное шоссе.

В Яане делаем остановку, один пассажир выходит. Не знаю, сколько мы будем добираться до монастыря, но мне почему-то кажется, что мое путешествие продлится вечно. Я показываю соседке записку и киваю на свои часы. Она стучит ногтем по циферблату в районе шести часов. Итак, я буду на месте в конце дня и не знаю, где смогу заночевать.

Дорога петляет между горами. Если Гартар находится на большой высоте, значит, ночью сильно похолодает, так что нужно будет поскорее найти приют.

Окружающий пейзаж становится бесплодным и унылым, и меня все сильнее терзают сомнения. Зачем Кейра отправилась на край света? Она ищет древнее захоронение, иного объяснения у меня нет.

Через двадцать километров автобус останавливается перед деревянным, висящим на стальных тросах мостом. Он в плачевном состоянии. Водитель велит всем пассажирам выйти, чтобы облегчить машину и свести риск к минимуму. Я смотрю через стекло на глубокую лощину и мысленно хвалю нашего шофера за предусмотрительность.

Я сижу на заднем сиденье, так что выходить буду последним. Автобус опустел. Я поднимаюсь, откидываю носком ботинка бамбуковую задвижку на дверце

клетки, по которой суматошно мечутся птицы. Путь к свободе лежит под правым рядом кресел. Три утки весело крикают, следуя за мной по пятам. Каждая следует своим маршрутом: одна семенит по центральному проходу, другая забирает вправо, третья – влево; нужно успеть выскочить до них, иначе меня обвинят в организации побега! А вообще, не важно – их хозяйка на мосту, идет, жмурясь от страха и крепко цепляясь за канатное ограждение.

Я проявляю ничуть не больше храбрости. Преодолев раскачивающееся препятствие, пассажиры криками и жестами помогают нашему храброму водителю преодолеть опасное препятствие. Доски угрожающе скрипят, веревки трещат, настил прогибается, но выдерживает, и пятнадцать минут спустя все занимают свои места. Кроме меня. Я воспользовался случаем и занял освободившееся во втором ряду кресло. Автобус трогается, две утки так и не отозвались на призывы хозяйки, третья – увы! – появляется в центральном проходе и как полная дура кидается под ноги крестьянке.

Мы проезжаем Дашэнцунь, и я не могу не улыбнуться, глядя, как женщина ползает на четвереньках в поисках улетучившихся пернатых. Она сойдет в Догуне в дурном расположении духа – по вполне понятной причине.

Города и деревни неспешно сменяют друг друга на нашем пути; мы едем вдоль реки, автобус взбирается все выше и выше. Я еще нездоров, меня то и дело пробирает дрожь. Время от времени я задремываю под урчание мотора, потом резкий толчок вырывает меня из забытья.

Слева заснеженная вершина Хайлогоу касается острием облаков. Мы приближаемся к знаменитому перевалу Чжэдо, конечной точке путешествия, находящейся на высоте четырех тысяч трехсот метров. Кровь стучит в висках, снова разыгрывается мигрень. Я возвращаюсь мыслями к Атакаме. Интересно, как поживает мой друг Эруэн? Я давно не получал от него известий. Если бы несколько месяцев назад, в Чили, я не заболел, не нарушил предписанных нам правил безопасности и прислушался к советам друга, не сидел бы сейчас в этом автобусе, а Кейра не сгнула бы в мутных водах Хуанхэ.

Помню, как утешала меня на Гидре мама: «Потерять любимого человека – это страшно, но еще страшнее так никогда его и не встретить». Говоря это, мама думала о моем отце, но дело принимает совсем иной оборот, когда чувствуешь себя виновником смерти любимой женщины.

В тихих водах озера Чанхайцзы как в зеркале отражаются заснеженные вершины. На спуске к долине Синьдунцяо водитель прибавил скорость. До чего же все здесь не похоже на природу Атакамы, повсюду растут вязы и белые березы, в густой траве бродят стада яков. Мы спустились с высоты четыре тысячи метров, и моя мигрень поутихла. Внезапно автобус останавливается. Водитель оборачивается и делает мне знак – пора выходить. Каменистая тропа ведет от серпантина к горе Гунгашань. Водитель жестикулирует, призывая меня поторопиться: из двери задувает ледяной ветер.

Я вылезая, бросаю рюкзак у ног и, стуча зубами от холода, смотрю вслед исчезающему за поворотом автобусу.

Я остался один посреди бескрайней равнины, где среди холмов гуляет злой ветер. Вечный пейзаж, в котором преобладают розовато-желтые оттенки цвета... и никаких следов монастыря. Ночевать под открытым небом нельзя, замерзну насмерть. Нужно идти. Но куда? В каком направлении? Даже не представляю, но понимаю: спасение в движении, руки и ноги уже начинают неметь от холода.

В нелепой попытке убежать от ночи я мелкими перебежками двигаюсь от холма к холму, на закат.

Я замечаю вдалеке – о чудо! – черную юрту кочевников. По огромной равнине ко мне идет тибетская девочка. Ей, должно быть, года три-четыре, кроха с румяными, как яблоки, щечками и блестящими глазами. Она меня не знает, но не боится, и никто, кажется, не боится за нее, она вольна гулять где вздумается. Девочку смешит мой необычный вид, ее звонкий смех наполняет долину. Она распаивает объятия и бежит мне навстречу, останавливается в нескольких метрах от меня и уносится прочь, к своим. Из юрты выходит человек и направляется ко мне. Я протягиваю руку, он складывает ладони, кланяется и приглашает меня следовать за ним.

Черная юрта-шатер стоит на столбах. Внутри просторно, в каменном очаге трещит хворост, женщина готовит ароматное жаркое. Мужчина знаком предлагает мне сесть, разливает рисовую водку, мы чокаемся и пьем.

Я делю с кочевниками ужин. Тишину нарушает лишь залиvistый смех девчушки с румяными, как яблоки, щечками. Потом она засыпает, прижавшись к матери.

На землю опускается ночь, и мы с хозяином выходим из юрты. Он устраивается на камне, скручивает сигарету и угощает меня. Мы смотрим на небо. Как же давно я этого не делал... Нахожу одно из красивейших созвездий восточнее Андромеды, хорошо видимое только осенью. Указываю пальцем на звезды и называю их моему хозяину. «Персей», – громко и отчетливо произношу я, и он повторяет: «Персей» и смеется – так же заливисто, как дочь, и раскаты его смеха подобны вспышкам на небесном своде у нас над головами.

Я переночевал в их юрте, укрывшей меня от холода и ветров. На рассвете показываю гостеприимному хозяину заветный листок бумаги; он не реагирует, потому что не умеет читать; начинается новый день, и у него много работы впереди.

Мы собираем хворост, и я произношу слово «Гартар» на разный манер – вдруг да отреагирует. Результат нулевой, он невозмутим и непроницаем.

Покончив с хворостом, мы идем за водой. Кочевник протягивает мне бурдюк, вешает на плечо другой. Показывает, как удобней его пристроить, и мы выходим на ведущую к югу тропу. Дорога занимает два часа. С вершины холма видна текущая меж высоких трав река. Когда я добираюсь до берега, мой спутник уже плавает. Я снимаю рубаху и прыгаю в ледяную воду: должно быть, река берет начало из горного ледника.

Кочевник удерживает свой бурдюк под водой, пока тот не наполняется доверху, я следуя его примеру, потом с натугой выволакиваю эту тяжесть на берег.

Кочевник насухо вытирается пучками травы, одевается и садится отдохнуть. «Персей», – говорит он, указывая пальцем на небо, потом кивает на излучину реки в нескольких сотнях метров ниже по течению, где купаются два десятка человек, другие – их около сорока – обрабатывают землю лемехами, прокладывая длинные борозды. На всех одинаковая одежда, которую я сразу узнаю.

– Гартар! – шепотом произносит мой спутник.

Я благодарю и срываюсь с места, но кочевник хватает меня за руку. Он хмурится, знаком дает понять, что идти туда нельзя, и тянет за собой в

обратный путь. На его лице ясно читается страх, и я подчиняюсь. Дойдя до вершины, оборачиваюсь и смотрю на монахов. Те, кто плавал в реке, уже оделись и взялись за работу: борозды на вспаханном поле напоминают зубцы гигантской электрокардиограммы. Мы спускаемся вниз. При первой же возможности я оставляю моего кочевника и вернусь в эту долину.

Мои хозяева очень гостеприимны, но традиция велит, чтобы я заработал свою порцию еды.

Женщина вышла из юрты и, что-то вполголоса напевая, повела меня к пасущемуся на поле стаду яков. Я не обращал внимания на ведро в ее руке, пока она не присела рядом с одним из этих странных четвероногих и не начала его доить. Несколько мгновений спустя она уступила мне место, сочтя, что урок был достаточно наглядным. Напоследок она выразительно взглянула на ведро, ясно дав понять, что вернуться я смогу, когда наполню его до краев.

Простейшая, с точки зрения кочевницы, работа никак мне не дается. Не знаю, что тому виной – моя неопытность или мерзкий характер проклятой коровы-забияки, решившей во что бы то ни стало помешать мне ухватить ее за вымя, – но как только я протягиваю руку, она переступает вперед или назад... Я прибегаю ко всем уловкам: пытаюсь ее обольстить, умоляю, сурово отчитываю, осыпаю бранью – но все напрасно.

Той, что приходит мне на помощь, года четыре, не больше. Унизительно, но деваться некуда.

Девчушка с круглыми, румяными, как яблочки, щечками появляется на поле совершенно неожиданно. Думаю, она долго сидела в засаде, наслаждаясь уморительным зрелищем, но потом не выдержала и расхохоталась, выдав свое присутствие. В качестве извинения за насмешку она слегка отталкивает меня плечиком, ловит строптивицу за сосок и весело смеется, глядя, как тугая молочная струя бьет в дно ведерка. Вот, значит, как все просто... Я должен принять вызов малышки, подталкивающей меня к теплому мохнатому боку. Я присаживаюсь на корточки и под ее аплодисменты выдавливаю из соска несколько капель молока. Девочка укладывается на траву и наблюдает за мной. Она совсем мала, но в ее присутствии мне как-то спокойней. В этом послеполуденном часе есть нечто утешительное и радостное. Чуть позже мы вместе направляемся к стойбищу.

Рядом с юртой, где я ночевал, появились еще люди, и три семьи объединились вокруг большого очага. Мы встречаем мужчину, и мой хозяин знаком показывает, что они должны собрать стадо, а меня ждут женщины. Я слегка раздосадован, что меня отстранили от мужской работы.

День подходит к концу, солнце клонится к закату, через час стемнеет. Я думаю лишь о том, как ускользнуть от гостеприимных кочевников, добраться до реки и проследить за монахами. Но тут возвращается мой хозяин, обнимает жену, подхватывает на руки дочку и уходит в юрту. Я устроился в сторонке и смотрю вдаль, на линию горизонта. Он садится рядом, предлагает мне сигарету. Я благодарю и отказываюсь. Он закуривает и, не говоря ни слова, устремляет взгляд на вершину холма. Не могу объяснить, почему я вдруг ощущаю непреодолимое желание показать ему тебя. Наверное, все дело в нестерпимой тоске по тебе, что поселилась в моем сердце; хороший предлог, чтобы еще раз взглянуть на фотографию. Она – самое ценное, что у меня есть, и я хочу, чтобы приютивший меня чужой человек тоже ее увидел.

Я достаю снимок из кармана и протягиваю ему. Он улыбается, возвращает мне фотографию, делает последнюю затяжку, тушит окуроч пальцами и уходит.

Поздно вечером три семьи собираются вместе, и мы едим тушеное мясо. Девочка садится рядом со мной, и родители не возражают. Мать гладит малышку по волосам и называет мне ее имя – Ритар. Позже я узнаю?, что так называют младенца, чтобы отвести беду, если старший ребенок умер. Может, смех Ритар звучит так радостно, чтобы ее мать и отец все время помнили, что в семью вернулось счастье? Ритар уснула на коленях у матери, она спит очень крепко, но даже во сне улыбается.

После ужина мужчины надевают широкие шаровары, а женщины расшнуровывают рукава длинных рубах, и те крыльями трепещут на ветру. Все берутся за руки, образуя круг, мужчины с одной стороны, женщины с другой. Все поют, женщины машут рукавами, а когда песня кончается, танцоры дружно издают громкий крик. Круг начинает двигаться в противоположном направлении, ритм все ускоряется и ускоряется. Люди бегут, подпрыгивают, кричат и поют до полного изнеможения. Я очарован этим веселым представлением и опьянен рисовой водкой и тибетским танцем.

Кто-то трясет меня за плечо, я открываю глаза и узнаю в темноте лицо моего кочевника. Он знаком зовет меня за собой из юрты. Огромная долина окутана пепельно-серым светом отлетающей ночи. Гостеприимный хозяин упаковал мои вещи и несет баул на плече. Понятия не имею, что задумал этот человек, но думаю, он ведет меня туда, где наши пути разойдутся. Мы возвращаемся на тропу, по которой ходили накануне. Он молчит. Час спустя, добравшись до вершины самого высокого холма, мой поводырь забирает вправо. Мы пересекаем небольшой лесок; возникает ощущение, будто кочевнику знаком каждый вид, каждая лощина, все спуски и откосы. Мы выходим на опушку. День еще не вступил в свои права. Кочевник растягивается на земле, кивком велит мне лечь рядом и присыпает меня увядшей листвой и перегноем, показывая, как замаскироваться. Мы замираем, как охотники в засаде, вот только я не знаю, кого мы караулим. Может, это охота? Но у нас нет оружия. Или он решил проверить ловушки?

Я так и не пришел ни к какому выводу, но час спустя понял, зачем мы сюда пришли.

Предрассветный туман наконец рассеялся, и на фоне занимающейся зари стала видна стена, окружающая огромный, больше похожий на крепость монастырь.

– Гартар, – шепчет мой спутник, произнося это слово второй раз за время нашего недолгого знакомства.

Однажды ночью я назвал ему имя звезды, висевшей в небе над долиной, и вот теперь, на рассвете, тибетский кочевник сделал мне ответный подарок, сообщив имя места, которое я жаждал отыскать сильнее, чем любую звезду в необъятном космосе.

Мой спутник, судя по всему, очень боится: нас ни в коем случае не должны заметить. Мне это кажется странным – до храма больше сотни метров, но постепенно глаза привыкают к полумгле, и я вижу на верху стены дозорных монахов в просторных одеяниях.

Чего они опасаются? Что в этом отдаленном уголке высадится китайский десант? Я им точно не враг. Будь моя воля, вскочил бы на ноги и помчался к ним во всю прыть, но кочевник удерживает меня, схватив за руку.

Ворота распахиваются, пропуская колонну монахов в рабочей одежде. Они сворачивают на восточную дорогу, которая ведет к монастырским садам. Тяжелые створки медленно закрываются.

Кочевник вскакивает и отступает в лес. Укрывшись за стволом огромного вяза, он отдает мне мою поклажу, и я понимаю, что настал момент прощания. Я сжимаю его руки в своих, он улыбается, смотрит мне в глаза, отворачивается и уходит.

Нигде, ни в одном самом отдаленном уголке планеты я не был так одинок, как в Чэнду, когда шел по горам и долам, убегая от ночи и холода. Иногда дружба рождается из взгляда, жеста, прикосновения, преодолевающего различия и преодолевающего страхи. Достаточно бывает протянуть человеку руку, и в памяти навечно запечатлевается его лицо. Пусть в последние мгновения жизни мне привидятся лица тибетского кочевника и девчушки со щечками, румяными, как красные яблочки.

Я выхожу на опушку и, держась на расстоянии, следую за монахами, направляющимися в глубь ложбины. Позицию выбрал удачно и могу сосчитать тех, за кем наблюдаю: их человек шестьдесят, не меньше. Как и накануне, они начали с купания и лишь потом принялись за работу.

Солнце стоит высоко в небе, а я вдруг замерзаю, испарина покрывает все тело. Меня бьет дрожь, я хватаю мешок, достаю вяленое мясо – подарок моего кочевника, съедаю половину, оставив вторую на вечер. Как только монахи уйдут, можно будет напиться у реки, а пока придется терпеть жажду: мясо было очень соленое.

Почему во время этого путешествия я так остро ощущаю холод, голод, жару и усталость? Видимо, все дело в разреженном воздухе гор. Остаток дня я провожу в размышлениях о том, как попасть в монастырь. В голову приходят самые что ни на есть безумные идеи. Неужели я схожу с ума?

В шесть вечера монахи останавливают работу и отправляются в обратный путь. Как только спина последнего исчезает за гребнем холма, я бегу через поля к реке, прыгаю в воду и жадно пью.

Напившись, выбираюсь на берег. Где я буду сегодня спать? Ночевка в роще не лучший вариант. Вернуться в долину, к моим друзьям-кочевникам, означало бы признать поражение и, что еще хуже, злоупотребить их щедростью. Они дважды кормили меня сытным ужином, а это для них немалый расход.

Я замечаю расселину на склоне холма и решаю устроиться там на ночлег. Натяну на себя всю одежду, заруюсь в землю и, даст бог, доживу до утра. В ожидании ночи приканчиваю вяленое мясо, карауля первую звезду. Я жду ее, как любимую женщину, что придет и прогонит тоску-печаль.

Ночь окутывает землю. Я вздрагиваю и наконец засыпаю.

Как долго я спал? Что меня разбудило? Какой-то шорох, звук, прикосновение. Нечто приближается. Необходимо совладать со страхом, чтобы не стать добычей вышедшего на охоту хищника; я не помчусь в темноте по полю, петляя, как заяц, в норе шансов уцелеть больше. Все правильно, но когда сердце вот-вот разорвется от страха, трудно вести себя разумно. Что за хищник подкарауливает тут добычу? Что я сам делаю в этой земляной норе, в тысячах километров от родного Лондона? Голова грязная, пальцы заледенели, из носа течет, я затерялся на просторах чужой страны, гонюсь за призраком женщины, в которую безумно влюблен, хотя еще полгода назад она ничего для меня не значила... Хочу вернуться к Эруэну, на плато Атакама, снова увидеть свой дом и улицы Лондона, не хочу, чтобы меня сожрал голодный волк. Не шевелиться, не дрожать, не дышать, закрыть глаза, чтобы не блеснули в лунном свете. Правильно, но трудновыполнимо, когда ужас вползает за шиворот и вы дрожите как осиновый лист. Мне кажется, я снова стал двенадцатилетним, беззащитным, беспомощным. По склону холма движется огонек. Может, это факел в руке грабителя, позарившегося на мой жалкий скарб? Тем лучше, я буду защищаться.

Нужно выбраться из ямы и встретиться с опасностью лицом к лицу. Я проделал весь этот долгий путь не для того, чтобы стать жертвой грабителя или ужином голодного хищника.

Я открыл глаза.

Огонек плывет по воздуху к реке. Человек с факелом прекрасно знает дорогу, он идет твердым, уверенным шагом, не боясь оступиться, втыкает факел в рыхлую землю, и на склоне отражаются две тени, одна совсем тоненькая, но обе

изящные, словно на берег пришли подростки. Один замирает на месте, другой снимает одеяние и входит в холодную воду. Страх в моей душе уступает место надежде. Возможно, эти монахи, нарушившие правила ради ночного купания, помогут мне проникнуть за крепостные стены. Я ползу в траве, пробираясь поближе к реке, и внезапно у меня перехватывает дыхание.

Это изящное тело знакомо мне до боли. Стройные ноги, округлые ягодицы, изгиб спины, живот, плечи, затылок, гордая посадка головы.

Это ты купаешься обнаженной в реке, подобной той, что едва тебя не убила. Твое тело в лунном свете похоже на призрак. Я узнал бы тебя среди тысячи других женщин. Ты здесь, всего в нескольких метрах от меня, но как приблизиться к тебе, не напугав своим жутким видом, иначе ты закричишь и поднимется тревога. Ты зашла в реку по пояс, зачерпываешь ладонями воду, и струйки медленно льются на лицо.

Я наклоняюсь, чтобы смыть грязь, благо сопровождающий тебя монах стоит довольно далеко и спиной к реке, чтобы невзначай не увидеть твоей наготы. Сердце бешено колотится, зрение мутится, я подбираюсь еще ближе. Ты выходишь из воды прямо на меня. Мы встречаемся взглядом, ты замедляешь шаг, склоняешь голову набок, смотришь мне в глаза и... проходишь мимо, словно меня тут нет.

Взгляд у тебя совершенно отсутствующий, нет – еще хуже! Ты никогда так на меня не смотрела. Ты оделась – молча, как немая, и вернулась к своему спутнику. Он взял факел, и вы начали подниматься по склону. Я бесшумно следовал за вами, стараясь оставаться невидимкой, один раз скатившийся из-под ноги камень насторожил монаха, он обернулся, но, к счастью, не заметил меня, и вы продолжили свой путь. Добравшись до монастыря, вы пошли вдоль стены, миновали ворота и спустились в ров. Пламя затрепетало на ветру и вдруг погасло. Я ждал сколько мог, цепенея от холода, потом кинулся к тому месту, где вы исчезли, надеясь увидеть проход, но натолкнулся на низкую деревянную дверь, запертую на замок. Я присел на корточки, чтобы отдышаться и отдохнуть, а потом как раненый зверь уполз в свою нору на опушке рощи.

Позже, той же ночью. Ощущение удушья вырывает меня из тяжелого, тупого забытья. Ноги и руки затекли. Стало очень холодно. Не могу развязать узел на

мешке, чтобы достать свитер. Все движения замедленны. Вспоминаю истории об альпинистах, насмерть убаюканных горой. Мы на высоте четырех тысяч метров, как я мог быть так беспечен и решить, что переживу ночь в горах? Я сдохну в этой рожице среди вязов и лещин, в нескольких десятках метров от тебя, но, увы, по другую сторону стены. Говорят, в момент смерти перед человеком открывается темный туннель, в конце которого сияет свет. Ничего подобного я не вижу, единственной вспышкой света стало для меня зрелище твоего обнаженного тела в плещущейся воде.

В последнем проблеске сознания я чувствую, как чьи-то руки хватают меня, тянут вверх, тащат. Нет сил выпрямиться, поднять голову, чтобы взглянуть на тех, кто меня уводит. Меня под руки ведут на тропинку, и я то и дело теряю сознание. Последнее, что я помню: монастырская стена и открывающиеся перед нами высокие ворота. Возможно, ты умерла и мы сейчас воссоединимся. Наконец-то.

Афины

– Не будь вы так встревожены, не стали бы рисковать, приходя сюда. И не говорите, что пригласили меня поужинать из нежелания проводить вечер в одиночестве. Уверен, обслуживание номеров в «Короле Георге» не идет ни в какое сравнение с этим китайским рестораном. Учитывая обстоятельства, столик вы выбрали необдуманно.

Айвори молча посмотрел на Уолтера, подцепил дольку маринованного имбиря и предложил угощение собеседнику.

– Дурной пример заразителен – мне, как и вам, стало казаться, что время тянется слишком медленно. Беспомощность совершенно выбивает из колеи.

– Можете с уверенностью сказать, стоит за этим Эштон или нет? – спросил Уолтер.

– Я ни в чем не уверен. Трудно представить, что он зашел так далеко. Думаю, он удовлетворился исчезновением Кейры, но потом узнал о путешествии Эдриена и

нанес упреждающий удар. Чудо, что не преуспел.

- Едва не преуспел, - проворчал Уолтер. - Полагаете, Эштону о Кейре сообщил лама? Но зачем ему было так поступать? Он прислал Эдриену вещи Кейры - значит, хотел помочь?

- Мы не знаем наверняка, что «подарок» отправил именно лама. Кто-то из его окружения вполне мог стянуть камеру, снять нашу подругу-археолога, когда она купалась в реке, а потом вернул фотоаппарат на место, и никто ничего не заметил.

- Кто этот таинственный отправитель и зачем ему так рисковать?

- Один из монахов общины мог стать свидетелем купания и не захотел, чтобы были попорчены принципы, которым он поклялся хранить верность.

- Что за принципы?

- Во-первых и в-главных - никогда не лгать. Возможно, наш лама, принужденный хранить секрет, побудил одного из учеников сыграть роль вестника.

- Тут я перестаю вас понимать.

- Вы должны научиться играть в шахматы, Уолтер. Для победы нужно думать не на ход вперед, а на три, четыре хода, упреждение - залог победы. Но вернемся к нашему ламе. Возможно, он разрывается между двумя заповедями, которые при определенных обстоятельствах начинают противоречить друг другу. Не лгать и не делать ничего такого, что могло бы подвергнуть опасности человеческую жизнь. Предположим, слух о гибели Кейры был распущен и поддерживается ради ее собственной безопасности, что ставит нашего мудреца в затруднительное положение. Сказав правду, он подвергнет опасности жизнь человека и нарушит святая святых своей религии. Солгав, то есть позволив считать ее мертвой, когда она жива, он нарушит другой завет. Досадно, не правда ли? В шахматах такую ситуацию называют патовой. Мой друг Вакерс терпеть этого не может.

– Как у ваших родителей родился ребенок с таким извращенным умом? – поинтересовался Уолтер и взял с тарелочки ломтик имбиря.

– Боюсь, они тут ни при чем. Был бы рад считать это наследственной чертой, но я не знал ни отца, ни матери. Если не возражаете, рассказ о моем детстве отложим до другого раза, речь сейчас не обо мне.

– Итак, вы считаете, что перед лицом возникшей дилеммы наш лама побудил одного из учеников обнародовать истину, а сам хранил молчание, чтобы сберечь жизнь Кейре?

– Нас в этой головоломке интересует не лама. Надеюсь, это от вас не ускользнуло?

Уолтер скривился, из чего следовало, что ход рассуждений Айвори остался для него тайной за семью печатями.

– Вы безнадежны, старина, – усмехнулся старый профессор.

– Может, и так, но именно я заметил, что снимок намеренно положили поверх вещей, я сравнил его с другими фотографиями, и именно я сделал из этого выводы, которые мы сегодня обсуждаем.

– Не спорю, но, как вы сами сказали, она лежала на самом видном месте!

– Лучше бы я промолчал, как ваш лама! Мы бы сейчас не ждали новостей об Эдриене, и нам бы не пришлось молить Бога, чтобы он сохранил ему жизнь.

– Рискую повториться, скажу: фотография лежала сверху! Трудно поверить в простое совпадение, это, вне всяких сомнений, было послание. Остается выяснить, узнал ли о нем Эштон.

– А вы не думаете, что мы выдаем желаемое за действительное и узрели бы знак свыше даже в кофейной гуще?! Вы вполне способны «воскресить» Кейру, чтобы Эдриен продолжал работать на вас...

– Умоляю, обойдемся без грубостей! Вы бы предпочли, чтобы он губил свой талант, влача жалкое существование в Англии? – Айвори повысил голос: – Считаете меня жестокой сволочью, думаете, я послал бы его искать подругу, если бы не верил – совершенно искренне! – что она жива? Я не чудовище!

– Ничего подобного я в виду не имел, – возмутился Уолтер.

Их короткая стычка привлекла внимание людей за соседним столиком. Уолтер продолжил, сбавив тон:

– Вы сказали, что нас интересует не лама. Тогда кто же?

– Тот, кто подверг жизнь Эдриена опасности, тот, кто боялся, что он найдет Кейру, тот, кто в этом случае был бы готов на все. Ничего не приходит на ум?

– Не говорите со мной таким надменным тоном, я не ваш подчиненный.

– Привести в порядок кровлю Академии стоит целое состояние. Полагаю, щедрый благодетель, чудесным образом пополнивший бюджет сего уважаемого учреждения и оставивший ваше начальство в счастливом неведении относительно ваших более чем скромных успехов в управлении делами Академии, заслуживает толики уважения?

– Ладно, я понял. Итак, вы обвиняете сэра Эштона!

– Знает ли он, что Кейра жива? Возможно. Решил ли действовать с осторожностью? Вероятно. Должен вам признаться: если бы я подумал об этом раньше, то не стал бы подвергать Эдриена такой опасности. Теперь я волнуюсь за него больше, чем за Кейру.

Айвори оплатил счет и вышел из-за стола. Уолтер забрал из гардероба пальто и догнал его на улице:

– Держите, вы забыли плащ.

– Увидимся завтра, – бросил Айвори и остановил проезжавшее мимо такси.

– Благоразумно ли это?

– Предпочитаю забыть о благоразумии. Я чувствую себя ответственным и должен его увидеть. Когда мы получим очередные результаты анализов?

– Как всегда, утром. Худшее, похоже, миновало, но рецидив возможен.

– Позвоните мне в гостиницу, как только что-нибудь узнаете, но не с мобильного, а из кабины.

– Думаете, меня прослушивают?

– Понятия не имею, дорогой Уолтер. Прощайте.

Айвори сел в такси. Уолтер решил вернуться пешком. Осенний афинский вечер был теплым, по городу гулял легкий ветерок. Свежий воздух поможет ему собраться с мыслями.

Вернувшись в гостиницу, Айвори попросил портье, чтобы ему в номер принесли шахматы из бара, в этот поздний час они вряд ли понадобятся кому-нибудь еще.

Час спустя Айвори оставил недоигранную с самим собой партию и отправился спать. Лежа в постели, он перебирал в голове контакты, которые завел в Китае за долгую жизнь. Список был длинным, но – увы! – все, кого он вспомнил, были мертвы. Старику стало жарко, он зажег свет, откинул одеяло, надел тапочки и взглянул на свое отражение в зеркале платяного шкафа.

«Боже, Вакерс, ну почему я не могу рассчитывать на вас, когда мне это жизненно необходимо? Да потому, что ты ни на кого не можешь рассчитывать, старый дурак, ведь ты никому не способен доверять! Видишь, до чего довела тебя спесь? Остался один, но все еще претендуешь играть первую скрипку».

Он принялся ходить по комнате.

«Если это отравление, вы дорого, очень дорого заплатите, Эштон».

Айвори в бешенстве смахнул фигуры с доски.

Второй раз за вечер он вышел из себя, и это заставило его задуматься. Он взглянул на ковер: черный слон лежал рядом с белым. В час ночи Айвори наконец решился нарушить собственное правило, снял трубку, позвонил в Амстердам и задал Вакерсу более чем странный вопрос: может ли яд вызвать симптомы острой пневмонии?

Вакерс не знал, но пообещал навести справки, как только сможет. По дружбе или из чувства такта он не попросил у Айвори объяснений.

Монастырь Гартар

Два человека поддерживают меня, третий энергично растирает грудь. Я сижу на стуле, поставив ноги в таз с горячей водой, и прихожу в себя. Меня раздели, сняли грязную, промокшую одежду и надели что-то вроде саронга. Зубы все еще стучат, но я почти отогрелся. В комнату входит монах и ставит на пол две пиалы – с бульоном и рисом. Когда он подносит чашку к моим губам, я осознаю, как ослаб. Поев, вытягиваюсь на циновке и погружаюсь в сон.

Рано утром другой монах выводит меня из комнаты на галерею под аркадами, через каждые десять метров здесь расположены большие классы, где проходит обучение послушников. Похоже на какой-нибудь религиозный колледж в старой доброй Англии; миновав еще одно крыло гигантского четырехугольника, мы входим в пустую, без мебели, комнату.

Я на несколько часов остаюсь один. Окно выходит во внутренний двор монастыря. Выглядываю и вижу странное представление: звучит полдневный удар гонга, и примерно сотня монахов колоннами выходят из дверей, усаживаются на землю на равных расстояниях друг от друга и замирают. Не могу удержаться и воображаю, что одна из фигурок в монастырском одеянии – моя Кейра. Если воспоминания о пережитом прошлой ночью реальны, она должна скрываться где-то в этом храме – возможно, в этом дворе, среди собравшихся на молитву тибетских монахов. Зачем ее здесь держат? Я думаю лишь о том, как забрать ее и увезти подальше.

На полу возникает полоска света, я оборачиваюсь: на пороге монах и послушник. Я не верю своим глазам.

У тебя на лбу длинный шрам, несколько тебя не уродующий. Я хочу обнять тебя, но ты делаешь шаг назад. Твои волосы коротко острижены, лицо ужасно бледное. Смотреть на тебя, не имея возможности прикоснуться, – худшее из наказаний, ощущать твою близость и не сметь прижать к груди, сжать в объятиях – невыносимо жестокая пытка. Ты смотришь, не отводя взгляда, но не позволяешь приблизиться, словно время объятий миновало, твоя жизнь пошла иным путем и мне в ней нет места. Твои слова ранят еще сильнее, чем отстраненность.

– Ты должен уйти отсюда, – бесцветным голосом шепчешь ты.

– Я пришел забрать тебя.

– Я ни о чем тебя не просила, ты должен уйти и оставить меня в покое.

– А твои раскопки, а остальные фрагменты... можешь отречься от нас, но не от своего дела!

– Это теперь не важно, сюда меня привел мой кулон, здесь я нашла куда больше, чем искала во внешнем мире.

– Я тебе не верю; твоя жизнь не здесь, не в этом монастыре на краю света.

– Вопрос перспективы, земля круглая, тебе это известно лучше, чем кому бы то ни было другому. Что до моей жизни – я едва не лишилась ее по твоей вине. Мы не понимали, что делаем. Второго шанса не будет. Уходи, Эдриен!

– Не раньше, чем сдержу данное слово. Я поклялся отвезти тебя в долину Омо.

– Я не хочу! Возвращайся в Лондон или куда хочешь, только подальше отсюда.

Ты накинула капюшон, опустила голову и медленно пошла прочь, но на пороге оглянулась и сказала с отстраненным видом, кивнув на рюкзак:

– Твои вещи выстирали. Можешь здесь переночевать, но завтра утром ты должен уехать.

– А Гарри? Ты и от него отрекаешься?

По твоей щеке скатилась слеза, и я понял безмолвный призыв.

– Та маленькая дверь, выходящая в ров, – спросил я, – через которую ты выходишь ночью к реке, где она находится?

– В подzemелье, прямо под нами, но не ходи туда, умоляю.

– Когда ее отпирают?

– В 23.00, – отвечаешь ты и уходишь.

Остаток дня я провел взаперти в этой комнате, где снова обрел тебя, чтобы тут же потерять. Остаток дня я кружил по ней как помешанный.

Вечером за мной явился монах. Он повел меня во двор: послушники завершили последнюю молитву, и мне позволили подышать воздухом. На улице свежо, и я понимаю, что ледяная ночь будет верным стражем тюрьмы. Я по опыту знаю, что пересечь долину ночью и не замерзнуть невозможно, но, каким бы ни был риск, решение необходимо найти.

Я пользуюсь возможностью оглядеться. Помещения монастыря расположены на двух этажах, вернее, на трех, если считать упомянутое Кейрой подземелье. Во внутренний двор выходят двадцать пять окон. Высокие аркады обрамляют нижний этаж. На каждом углу – крутая каменная лестница. Я считаю шаги. Добраться до одной из лестниц от двери моей камеры можно за пять-шесть минут, если никто не встанет на пути.

Съев ужин, я ложусь на циновку и притворяюсь спящим. Мой охранник почти сразу начинает громко храпеть. Дверь не заперта, никому не придет в голову покинуть это место ночью.

Галерея пуста. Монахи, несущие стражу на крыше, увидеть меня в темноте не могут. Я крадусь вдоль стен.

На часах 22.50. Если Кейра назначила мне встречу, если я правильно истолковал ее послание, у меня есть десять минут, чтобы пробраться в подземелье и найти дверцу, которую видел накануне, когда прятался в лесу.

22.55, я у лестницы. Путь к ней преграждает дверь, закрытая на тяжелый крюк. Нужно бесшумно его откинуть – рядом, в комнате, спят два десятка монахов. Дверь скрипит на петлях, я слегка приоткрываю ее и протискиваюсь в щель.

На ощупь спускаюсь в темноте по стертým, скользким каменным ступеням, с трудом удерживая равновесие и не имея ни малейшего понятия о том, какое расстояние отделяет меня от монастырских подземелий.

Светящиеся стрелки часов приближаются к одиннадцати. Наконец я чувствую под ногами мягкую землю; в нескольких метрах от меня на стене горит большой факел, освещая проход. Чуть дальше я замечаю следующий и начинаю пробираться вперед. Внезапно за спиной раздается шорох, я резко оборачиваюсь и замечаю у себя над головой выводок летучих мышей. Они то и дело задевают меня крыльями, их тени трепещут на стенах. Нужно торопиться, уже пять минут двенадцатого, я опаздываю, но все еще не нашел дверь. Неужели выбрал неправильное направление?

«Второго шанса не будет», – сказала Кейра. Нет, я не мог ошибиться, только не сейчас.

Меня хватают за плечо и тянут за собой. Укрывшись в нише, Кейра обнимает меня, крепко прижимает к себе.

– Боже, как мне тебя не хватало, – шепчешь ты.

Я молча обхватываю твое лицо ладонями, и мы целуемся. У этого долгого поцелуя вкус земли и пыли, соли и пота. Ты кладешь голову мне на грудь, я глажу тебя по волосам, и ты плачешь.

– Ты должен уйти, Эдриен, должен, должен, мы оба в опасности. Меня должны считать мертвой, иначе твоя жизнь будет под угрозой; если о твоём присутствии здесь и нашей встрече узнают, они тебя убьют.

– Монахи?

– Нет, – всхлипываешь ты, – они наши союзники, они спасли меня, выловили из Хуанхэ, выходили и прячут. Я говорю о тех, кто хотел нас убить, Эдриен, они не отступятся. Не знаю, что мы им сделали и за что нас преследуют, но они пойдут на все, лишь бы не дать нам продолжить поиски. Если им станет известно, что мы снова вместе, они обязательно найдут нас. Тот лама, которого мы встретили, помнишь, он еще смеялся, узнав о наших поисках белой пирамиды, именно он вытащил нас из беды... и я дала ему обещание.

Афины

В дверь позвонили, и Айвори вздрогнул от неожиданности. Коридорный вручил ему срочный телекс, пояснив, что кто-то позвонил портье и попросил немедленно передать это послание. Айвори вскрыл конверт только после ухода молодого человека.

РИМ просил как можно скорее связаться с ним по защищенной линии.

Айвори торопливо оделся, вышел на улицу и купил в киоске телефонную карту, чтобы поговорить с Лоренцо из кабины на другой стороне улицы.

– У меня странные новости.

Айвори обратился в слух.

– Мои друзья в Китае отыскали след вашей археологини.

– Она жива?

- Да, но вряд ли сможет вернуться в Европу.

- Но почему?

- Вам это не понравится: ее арестовали, судили, осудили и посадили.

- Полный абсурд! За что?

Лоренцо, он же Рим, сообщил Айвори недостающие детали головоломки. Монахи с горы Хуашань находились на берегу Хуанхэ, когда джип Эдриена и Кейры упал в реку. Трое из них нырнули в бурные воды, чтобы спасти пассажиров потерпевшего аварию автомобиля. Эдриена вытащили первым, и проезжавший мимо грузовик с рабочими доставил его в больницу. Насчет дальнейшего Айвори был в курсе, поскольку сам летал в Китай и занимался отправкой Эдриена на родину. С Кейрой получилось иначе. Монахам только с третьей попытки удалось вытащить ее из машины, и грузовик уже уехал. Она была без сознания, и ее отнесли в монастырь. Ламе сразу донесли, что покушение заказала местная триада, могущественная преступная организация со связями аж в самом Пекине. Он спрятал Кейру, а несколько дней спустя в обитель появились какие-то люди и устроили ему допрос с пристрастием. Он поклялся, что его ученики действительно пытались помочь тонувшим европейцам, но женщина погибла. Трех спасителей Кейры тоже трясло, но ни один не проговорился. Кейра десять дней была в коме, инфекция замедлила выздоровление, но монахам удалось победить болезнь.

Когда она поправилась и была готова к путешествию, лама отправил ее в другое место, переодев для безопасности в монашеское одеяние.

- И что произошло дальше? - спросил Айвори.

- Вы не поверите, - хмыкнул Лоренцо. - План настоятеля осуществился не вполне.

Они говорили еще десять минут, пока у Айвори не кончилась карта. Повесив трубку, он поспешил назад в гостиницу, собрал вещи и уже из такси позвонил Уолтеру - сообщил, что едет к нему.

Полчаса спустя Айвори оказался у стоявшего на афинском холме высокого здания, поднялся на лифте на четвертый этаж, торопливо прошел по коридору к номеру 307, постучал и вошел. Уолтер с изумленным видом выслушал его рассказ.

- Ну вот, мой дорогой, теперь вам известно все или почти все.

- Полтора года? Ужасно! Как вы собираетесь ее освободить?

- Не имею ни малейшего понятия. Но не будем забывать о положительной стороне дела: теперь нам доподлинно известно, что она жива.

- Не знаю, как Эдриен воспримет такое известие, боюсь, это его добьет.

- А я рад уже тому, что он сможет узнать эту новость, - со вздохом произнес Айвори. - Как его дела?

- Врачи настроены оптимистично, говорят, его можно будет навестить - если не сегодня, то завтра уж точно.

- Будем уповать на лучшее. Я сегодня возвращаюсь в Париж, нужно придумать способ вытащить Кейру. А вы позаботьтесь об Эдриене: если вас к нему пустят, держите язык за зубами... пока.

- Я не могу скрывать от него новости о Кейре, иначе он меня придушит.

- Об этом я не подумал. Во всяком случае, не делитесь с Эдриеном нашими опасениями, не сейчас, у меня есть на то свои причины. Прощайте, Уолтер, я с вами свяжусь.

Гартар

- Что за обещание ты дала ламе?

Ты удрученно смотришь на меня и пожимаешь плечами. Говоришь, что покушавшиеся на нас люди возобновят охоту и за пределами Европы, если узнают, что ты выжила. Если не сумеют достать тебя, займутся мной. В обмен на все оказанные услуги лама попросил отдать ему два года твоей жизни. Два года отшельничества, которые ты сможешь провести в размышлениях о том, как жить дальше. «Второго шанса не будет, – сказал он тебе. – Два года на подведение промежуточных итогов чудом спасенной жизни – недурная сделка». Когда все успокоится, лама найдет способ переправить тебя за границу.

– Два года за спасение наших жизней – таково было условие, и я его приняла. Я выдержала, потому что знала, что ты вне опасности. Знал бы ты, сколько раз за время вынужденного уединения я представляла, как ты живешь, бродила вместе с тобой по нашим любимым местам, заходила в твой маленький лондонский дом... Я заполняла свои дни драгоценными моментами, воображая, будто я с тобой.

– Обещаю тебе...

– Потом, Эдриен... – Ты закрываешь мне рот рукой. – Завтра ты уедешь. Мне осталось терпеть полтора года. Не тревожься, жизнь здесь не такая уж и тяжелая, я гуляю, и у меня есть время подумать, много-много времени. Не смотри на меня как на святую или бесноватую. И не преувеличивай собственную значимость: я делаю это не ради тебя, а ради себя.

– Ради себя? Но зачем?

– Чтобы не потерять тебя второй раз. Ты погиб бы в лесу прошлой ночью, не скажи я о тебе монахам.

– Значит, это ты их предупредила?

– Я не могла дать тебе замерзнуть!

– Не важно, что ты там пообещала ламе, мы сматываемся. Я тебя забираю – добром или силой, даже если мне придется тебя оглушить.

Впервые за все время я вижу у тебя на лице прежнюю улыбку. Ты нежно гладишь меня по щеке:

– Хорошо, согласна. Я в любом случае не выдержу, если увижу, как ты уходишь. И возненавижу тебя за то, что ты оставил меня здесь.

– Когда тюремщики заметят, что тебя нет в камере?

– Они не тюремщики, я вольна ходить где хочу.

– А разве тот монах, что сопровождал тебя ночью к реке, не надзирал за тобой?

– Он меня охранял, чтобы ничего не случилось. Я единственная женщина в монастыре, вот и хожу каждую ночь на реку, чтобы искупаться. Так было все лето и в начале осени, но теперь конец.

Я достал из рюкзака брюки и свитер и протянул тебе.

– Что, зачем?

– Надевай, мы уходим, немедленно.

– Тебе мало вчерашнего? На улице ноль градусов, через час будет минус десять. У нас нет ни малейшего шанса пересечь эту равнину ночью.

– Как и днем – нас обязательно заметят! Как ты думаешь, час продержимся?

– Первая деревня в часе... езды на машине! Которой у нас нет.

– Я говорю не о деревне, а о становище кочевников.

– Кочевники вполне могли перекочевать.

– Они там! И помогут нам.

– Не будем спорить, отправляемся в кочевье! – говоришь ты, одеваясь.

- Где эта проклятая дверь? – спрашиваю я.

- Прямо перед тобой... Вперед!

Мы выходим, и я увлекаю тебя к лесу, но ты тянешь меня за рукав, кивая на ведущую к реке тропинку.

- Не стоит тратить время, петляя между деревьями, скоро станет совсем холодно.

- Ты знаешь местность лучше меня, так что веди. У реки я найду тропинку, которая ведет к холму. Нам понадобится десять минут, чтобы добраться до вершины, еще сорок пять на то, чтобы пройти перевал и выйти к долине, где находится становище. Пятьдесят пять минут – и дело в шляпе.

Ночь холоднее, чем я мог предположить. Не могу сдержать дрожь, а мы еще даже до реки не добрались. Ты молчишь, полностью сконцентрировавшись на дороге. Все правильно, нужно беречь силы, ибо мои тают на глазах.

Когда мы оказываемся на краю участка, где работали монахи, я начинаю всерьез беспокоиться о том, что вовлек тебя в опасную авантюру. Уже несколько минут я пытаюсь справиться с оцепенением.

- Я не смогу, – произносишь ты задыхающимся голосом.

При каждом слове у тебя изо рта вылетает облачко белого пара. Я обнимаю тебя, начинаю растирать тебе спину. Хочу поцеловать, но губы замерзли... да и ты не даешь расслабиться.

- Нельзя терять ни минуты, нельзя стоять на месте, идем к твоим кочевникам, иначе погибнем.

Мне так холодно, что я дрожу всем телом.

Кажется, что склон холма вытягивается по мере того, как мы поднимаемся. Держаться, еще несколько усилий, еще десять минут – и мы на вершине, откуда

наверняка увидим вдали юрты, ночь очень светлая. Одна только мысль о том, как тепло внутри, вернет нам мужество и придаст сил. Я знаю, что спуск в долину займет не больше четверти часа, так что, даже если кончатся силы, я позову на помощь. Если повезет, мои друзья-кочевники услышат крики в ночи.

Ты трижды падаешь, и я трижды помогаю тебе подняться, а на четвертый раз замечаю, как ты бледна. Губы у тебя посинели, как в тот раз, когда ты у меня на глазах тонула в Хуанхэ. Я поднимаю тебя, подхватываю и несу, умоляя не закрывать глаза.

– Не кричи на меня, – жалобным голосом просишь ты. – И без того тяжело. Я ведь говорила, а ты не слушал.

Сто метров, до гребня холма осталось сто метров. Я ускоряю шаг – ты немного отдохнула и идешь сама.

– Последний вздох, – говоришь ты, – последний рывок перед смертью. Давай, поторопись, вместо того чтобы смотреть на меня со скорбным видом. Тебе больше не смешно?

Ты бодрись, онемевшие губы не слушаются, но ты распрямляешься, отталкиваешь меня и идешь вперед, одна, ведя меня за собой.

– Отстаешь, Эдриен, отстаешь!

Пятьдесят метров! Ты меня обгоняешь, а я едва тащусь и не могу тебя догнать. Ты окажешься наверху раньше меня.

– Идешь? Прошу тебя, поторопись!

Тридцать метров! Перевал совсем близко, ты почти добралась. Нужно тебя обогнать, я хочу первым увидеть спасительное стойбище.

– Ты не дойдешь, если не прибавишь шагу, Эдриен, я больше не могу за тобой возвращаться, прошу тебя, постарайся!

Десять метров! Ты уже наверху, стоишь, выпрямив спину и уперев руки в бока, и молча осматриваешь долину. Пять метров! Мои легкие сейчас взорвутся. Четыре метра! Я уже не дрожу, у меня начались судороги. Силы закончились, я сдаюсь и падаю. Ты на меня не смотришь. Нужно встать и пройти последние два или три метра, но мне так уютно лежать на мягкой земле, смотреть на полную луну на небе и чувствовать, как легкий ветерок ласкает мне лицо и укачивает.

Ты склоняешься надо мной. Грудь сотрясает приступ ужасного кашля. Ночь светлая, такая светлая, как ясный день. Я почти ничего не вижу, должно быть, от холода. Свет яркий, такой яркий, что слепит глаза.

– Смотри, – говоришь ты, указывая на долину, – я была права, твои друзья ушли. Не сердись на них, Эдриен, это кочевники, а кочевники, если даже они твои друзья, надолго на одном месте не задерживаются.

Я с трудом разлепляю веки: среди долины, там, где я надеялся увидеть юрты моих кочевников, стоит монастырь. Мы сделали круг и вернулись. Нет, невозможно, это другая долина, я не вижу леса.

– Мне ужасно жаль, – шепчешь ты, – только не сердись. Я обещала и должна сдержать слово. Ты поклялся вернуть меня в Аддис-Абебу и, если бы мог сдержать слово, наверняка сдержал бы, ведь так? Ты страдаешь от собственного бессилия, так что пойми меня и не злись. Договорились?

Ты целуешь меня в лоб ледяными губами, улыбаешься и уходишь. Идешь уверенно, словно холод вдруг утратил над тобой власть. Спокойно шагаешь в ночи к монастырю. Я не могу ни удержать тебя, ни идти следом. Я пленник собственного тела, которое отказывается подчиняться, кажется, что руки и ноги стянуты прочными путами. Я бессилен – так ты сказала, прежде чем оставить меня. Огромные ворота монастыря распахиваются, ты в последний раз оборачиваешься и исчезаешь за стенами.

Ты слишком далеко, и я не могу тебя слышать, но твой звонкий голос звучит у меня в ушах.

– Будь терпелив, Эдриен. Возможно, мы снова встретимся. Полтора года – не слишком долгий срок, когда любишь. Ничего не бойся, ты справишься, ты сильный, и потом, кто-то идет, он совсем близко. Я люблю тебя, Эдриен, я тебя

люблю.

Тяжелые ворота Гартара медленно закрываются, за ними исчезает твой хрупкий силуэт.

Я выкрикиваю твое имя в ночной темноте, я вою, как попавший в капкан волк, почуявший свою смерть. Я отбиваюсь, вырываюсь из последних сил, хотя руки и ноги по-прежнему не слушаются. Я кричу, и кричу, и кричу, а потом вдруг слышу, как кто-то произносит среди пустынной равнины: «Успокойтесь, Эдриен». Голос мне знаком, это голос моего друга. Уолтер снова повторяет ту же бессмысленную фразу:

- Черт побери, Эдриен, да успокойтесь же наконец, поранитесь!

Афины, Университетский клинический центр, пульмонологическое отделение

- Черт побери, Эдриен, да успокойтесь же наконец, поранитесь!

Я открыл глаза, попытался сесть, но оказалось, что меня привязали к кровати. Склонившийся надо мной Уолтер выглядел совершенно растерянным.

- Вы и впрямь к нам вернулись или снова бредите?

- Где мы? - прошептал я.

- Сначала ответьте на простой вопрос: с кем вы говорите, кто я?

- Вы что, совсем рехнулись, Уолтер?

Он хлопал в ладоши. Я не понимал причины столь бурной реакции. Он бросился к двери, выкрикивая ликующим тоном: «Он очнулся, очнулся!» - высунулся в коридор, а когда обернулся, на его лице читались разочарование и досада.

- Не понимаю, как вы живете в этой стране: в обеденный час здесь все останавливается, замирает. Медсестру и ту не дозовешься, с ума можно сойти! Ах да, я обещал сказать, где мы находимся. Мы на четвертом этаже афинской больницы, в инфекционно-пульмонологическом отделении, в палате 307. Когда наберетесь сил, полюбуйтесь видом - очень красиво! Из вашего окна видна гавань, не всякая больница может похвастаться такой панорамой. Ваша мать и ваша прелестная тетушка Елена всех на ноги подняли, чтобы поместить вас в отдельную палату... словами не опишешь! У больничной администрации не было ни секунды покоя. Ваша прелестная тетушка и ваша мать - святые женщины.

- Что я здесь делаю и почему меня привязали?

- Поверьте, это было непростое решение, но вы метались в горячке, бредили, впадали в буйство, и я счел необходимым защитить вас от вас самого. Медсестры устали поднимать вас с пола по ночам. Просто невероятно, до чего беспокойно вы спали! Ладно, хоть мне и не положено по штату, но, раз уж у всех сиеста и я единственное правомочное лицо, освобожу вас.

- Уолтер, вы скажете, что я делаю в больничной палате?

- Вы ничего не помните?

- Помнил бы - не задавал вопросов!

Уолтер отошел к окну.

- Не уверен, что стоит это делать, - задумчиво произнес он. - Наберитесь сил, и мы поговорим, обещаю.

Я попытался сесть на кровати, голова закружилась, Уолтер подбежал и подхватил меня, не дав упасть на пол.

- Видите, я был прав, немедленно ложитесь и успокойтесь. Ваша мать и ваша прелестная тетушка много пережили, так что уж будьте любезны, соберитесь с силами и встретьте их с улыбкой на лице, когда они придут вас навестить во второй половине дня. Берегите силы, это приказ! Пока врачи, медсестры и все Афины дрыхнут, парадом командую я!

У меня пересохло во рту, и Уолтер подал мне стакан воды.

- Не жадничайте, старина, вы много дней под капельницей, я вообще не уверен, что вам можно пить. И не капризничайте, умоляю!

- Даю вам одну минуту, Уолтер: не скажете, как я сюда попал, вырву все эти провода!

- Мне не следовало вас отвязывать!

- Пятьдесят секунд!

- Шантаж, Эдриен? Какое разочарование!

- Сорок!

- После того как увидите с матерью!

- Тридцать!

- После обхода, пусть врачи подтвердят, что вы поправляетесь.

- Двадцать!

- Вы чудовищно нетерпеливы. Я столько дней не отходил от вас, могли бы сменить тон!

- Десять!

- Эдриен! - завопил Уолтер. - Немедленно уберите руку от капельницы! Предупреждаю, я за себя не отвечаю, если увижу хоть каплю крови на этих белоснежных простынях.

- Пять!

- Ладно, ваша взяла. Я все расскажу, но никогда вам этого не забуду.

– Я слушаю, Уолтер!

– Вы совсем ничего не помните?

– Совсем.

– А мой приезд на Гидру?

– Приезд помню.

– А кофе, что мы пили на террасе бистро по соседству с магазином вашей прелестной тетушки?

– Кофе тоже помню.

– А фотографию Кейры, которую я вам показал?

– Конечно, помню.

– Хороший признак... А то, что было потом?

– Смутно. Мы уплыли на катере в Афины и простились в аэропорту – вы возвращались в Лондон, я улетаю в Китай. Но теперь я не уверен, было это наяву или мне приснился кошмар.

– Никакого кошмара, вы действительно сели в самолет, вот только улетели недалеко. Но давайте вернемся к моему приезду на Гидру. Впрочем, к черту Гидру! У меня для вас две новости.

– Начните с плохой.

– Не могу! Не узнав хорошую новость, вы не поймете другую.

– Ну, раз выбора все равно нет, валяйте...

– Кейра жива, теперь мы уверены!

Я подскочил на кровати.

– Ну вот, главное сказано. Как насчет короткого перерыва на отдых, пока не придет ваша матушка, или доктора?, или все вместе?

– Прекратите ваши дурацкие ужимки, Уолтер, и выкладывайте плохую новость.

– Давайте будем последовательны. Вы спросили, почему находитесь в больнице, так позвольте мне объяснить. Из-за вас командир «Боинга-747» повернул назад – на такое не каждый решится. Жизнью вы обязаны бортпроводнице. Через час после взлета вам стало плохо. Очевидно, подцепили заразу, купаясь в Хуанхэ, и она вызвала редкое легочное заболевание. Но вернемся к пекинскому рейсу. Вы сидели и, казалось, мирно спали, но когда та смышленная бортпроводница принесла вам поднос с обедом, ее насторожили ваша бледность и испарина на лбу. Она безуспешно пыталась вас разбудить, дыхание было затрудненным, а пульс редким. Пилот, приняв во внимание серьезность положения, развернул самолет, вас срочно доставили сюда, сообщили мне, и я вернулся, пробыв в Лондоне всего два дня.

– Я не попал в Китай?

– Сожалею.

– А где Кейра?

– Ее спасли те самые монахи, что дали вам приют у горы... забыл название.

– Хуашань!

– Вам виднее! Кейру лечили, и она поправилась, но, к несчастью, ее сразу же задержали и неделю спустя судили, обвинив в незаконном проникновении и пребывании на китайской территории по поддельным документам, то есть без ведома правительства.

- У Кейры не могло быть при себе документов - они остались на дне реки, в машине!

- Конечно, но государственный адвокат, увы, не упомянул об этом в своей речи. Кейру приговорили к полутора годам тюремного заключения. Ее держат в Гартаре: этот древний монастырь в провинции Сычуань, недалеко от Тибета, превратили в тюрьму.

- Полтора года?

- Полтора года и, по словам сотрудника нашей консульской службы, все могло быть гораздо хуже.

- Хуже? Полтора года, Уолтер! Вы понимаете, что значит провести полтора года в китайском застенке?

- Тюрьма - она и есть тюрьма, но вообще-то я с вами согласен.

- На нашу жизнь покушаются, но за решетку попадает она, а не убийцы?

- Китайские власти считают ее виновной. Мы обратимся за помощью в посольство, сделаем все возможное. Я не отступлюсь.

Уолтер отвернулся к окну.

- Полагаете, наши посольства захотят вмешаться и поставят под угрозу экономические интересы ради свободы одного человека?

- Боюсь, ваши беды и горести мало кого волнуют. Придется запастись терпением и молиться, чтобы Кейра выдержала выпавшее на ее долю испытание. Я искренне сожалею, Эдриен, все это просто ужасно, но... что вы делаете с капельницей?

- Я уйду. Мне нужно отправиться в Китай, добраться до Гартара и дать знать Кейре, что я буду сражаться за ее освобождение.

Уолтер подскочил к кровати и схватил меня за руки; я был слишком слаб, чтобы совладать с ним.

- Слушайте меня внимательно, Эдриен. Когда вас привезли в больницу, ваш организм уже не сопротивлялся инфекции, и она стремительно распространялась, представляя угрозу для жизни. У вас началась горячка, вы бредили и несколько раз были при смерти. Врачам пришлось ввести вас в искусственную кому, чтобы защитить мозг. Мы с вашей матерью и прелестной тетушкой Эленой несли вахту, сменяя друг друга. За десять дней ваша матушка постарела на десять лет, так что перестаньте ребячиться и ведите себя как взрослый!

- Ладно, Уолтер, я усвоил урок, можете меня отпустить.

- Предупреждаю - если тронете катетер, я вам нос расквашу!

- Обещаю лежать смирно.

- Так-то лучше, я сыт по горло и вашей горячкой, и вашим бредом.

- Вы не представляете, какие странные сны я видел.

- Ошибаетесь, я не только следил за вашей температурной кривой и давился мерзкой едой в больничном кафетерии, но и выслушивал дичайшую чушь, которые вы несли в бреду. Единственным утешением были пирожные вашей прелестной тетушки Элены.

- Простите, Уолтер, что это еще за «прелестная тетушка»?

- Не понимаю, о чем вы.

- О моей прелестной тетушке.

- Разве я не имею права находить вашу тетушку прелестной? У нее замечательное чувство юмора, она восхитительно готовит, чудесно смеется, умно? беседует, так что не вижу, в чем проблема!

- Она на двадцать лет старше...

- Bravo, друг мой! Не знал, что вы так ограниченны! Кейра на десять лет моложе, но вас это, кажется, не смущает? Ретроград, вот вы кто!

- Хотите сказать, что поддались чарам моей тетки? А как же мисс Дженкинс?

- С мисс Дженкинс мы обсуждаем достоинства наших ветеринаров. Согласитесь, в этом мало чувственного.

- А с моей тетушкой, выходит... Не отвечайте, ничего не хочу знать!

- А вы не приписывайте мне того, что я не говорил! С вашей тетушкой у нас масса тем для бесед, нам весело вместе. Вы же не станете попрекать нас тем, что мы пытаемся развеяться после всего пережитого по вашей милости? Это было бы неблагородно.

- Делайте что хотите. Кто я такой, чтобы вмешиваться...

- Рад это слышать.

- Я должен сдержать слово, Уолтер, я не могу сидеть сложа руки. Нужно лететь в Китай на поиски Кейры и вернуть ее в долину Омо. Мне не следовало увозить ее из Эфиопии.

- Сначала поправьтесь, потом посмотрим. Скоро придут врачи, вам нужно отдохнуть, а у меня есть дела.

- Уолтер... Что я говорил в бреду?

- Семьсот шестьдесят три раза произнесли имя Кейры - впрочем, это весьма приблизительный подсчет; меня вы звали в бреду всего трижды, что довольно обидно. Большую часть времени вы бормотали нечто невнятное. Иногда между двумя судорожными припадками вы открывали глаза и смотрели невидящим взглядом в пустоту - страшноватое зрелище! - а потом снова теряли сознание.

В палату вошла медсестра, прервав наш разговор, и Уолтер испытал явное облегчение.

– Наконец-то вы пришли в себя, – сказала она, подвешивая новый пакет с лекарством на штангу.

Она сунула мне в рот термометр, измерила давление и записала показатели в карту.

– Доктора осмотрят вас через час, – сообщила она.

Лицом и телосложением медсестра смутно кого-то напоминала. Женщина вышла, покачивая бедрами, и я понял, что она похожа на пассажирку автобуса, на котором я ехал в Гартар. Уборщик, мывший пол в коридоре, одарил нас с Уолтером широкой улыбкой. Одет он был в свитер, толстую шерстяную куртку и как две капли воды походил на мужа хозяйки ресторана, привидевшегося мне в горячечном бреде.

– Ко мне кто-нибудь приходил?

– Ваша мать, ваша тетушка и я. К чему этот вопрос?

– Ни к чему. Вы мне снились.

– Боже, какой ужас! Запрещаю вам говорить об этом!

– Не будьте идиотом. Я видел вас в компании старого профессора, которого встречал в Лондоне, он знакомый Кейры. Я перестал различать грань между реальностью и сновидением.

– Успокойтесь, все мало-помалу наладится. Старика профессора я, увы, никак объяснить не могу, но так и быть, словом не обмолвлюсь об этом вашей тетушке, ибо она может оскорбиться, узнав, что в ваших снах была стариком.

– Думаю, все дело в горячке.

– Наверное, хотя не уверен, что Елена удовлетворится подобным объяснением... Отдыхайте, мы слишком долго разговаривали. Пойду позвоню в консульство насчет Кейры – я делаю это каждый день, в одно и то же время, – а после шести вернусь.

– Уолтер...

– Что еще?

– Спасибо.

– Дождлся, благодарение Господу!

Как только Уолтер вышел из палаты, я попытался встать. Ноги подкашивались, но я все-таки добрался до окна, держась попеременно за спинку кровати, столик на колесах и батарею.

Вид из окна и впрямь открывался фантастический. Больница стояла на холме над бухтой. Вдалеке можно было различить Пирей. Я несчетное число раз видел этот порт, но не удосуживался взглянуть, счастье делает нас рассеянными. Сегодня, из окна больничной палаты номер 307, я смотрел на порт совсем другими глазами.

Внизу я заметил Уолтера, он вошел в телефонную кабину – должно быть, собрался звонить в консульство.

Выглядит Уолтер нелепо, но он отличный парень. Хорошо, что мы дружим.

Париж, остров Сен-Луи

Зазвонил телефон. Айвори снял трубку.

– Есть новости?

- Две. Одна хорошая, другая – скорее неприятная.
- Начните со второй.
- Как странно...
- Что именно вы находите странным?
- Вашу привычку всегда выслушивать сначала дурные вести... Но я начну с хорошей, иначе другая потеряет смысл! Сегодня утром температура упала, и он пришел в себя.
- Новость и впрямь замечательная, у меня просто камень с души свалился.
- Еще бы! Без Эдриена на ваших поисках можно было бы поставить жирный крест. Я прав?
- Я искренне беспокоился о нашем друге. Иначе не стал бы рисковать, навещая его в больнице.
- Возможно, не стоило этого делать. Боюсь, в палате мы слишком увлеклись разговором и кое-что запало ему в голову.
- Память возвращается? – встревожился Айвори.
- Образы слишком смутные, чтобы Эдриен придал им значение. Я убедил его, что это просто бред.
- Я проявил непростительную беспечность.
- Вы хотели взглянуть на него, оставшись незамеченным, к тому же врачи уверяли, что он без сознания.
- Медицина – весьма неточная наука. Вы уверены, что он ни о чем не догадывается?

- Можете не волноваться, Эдриена сейчас заботит совсем другое.

- Это и есть вторая, досадная, новость?

- Нет, наш молодой друг твердо намерен отправиться в Китай. Я вам говорил, он не станет полтора года сидеть сложа руки, ожидая освобождения Кейры. Уж скорей проведет это время под окном ее камеры. Пока девушка в тюрьме, Эдриен будет думать только о ее освобождении, и тут вы бессильны. Как только врачи отпустят его, он улетит в Китай.

- Сомневаюсь, что он получит визу.

- Значит, отправится туда пешком, через Бутан.

- Эдриен должен продолжить поиски, я не могу ждать так долго.

- Он сказал мне те же слова о любимой женщине, но боюсь, вам обоим придется смириться.

- В моем возрасте полтора года – огромный срок. Не уверен, что окажусь долгожителем.

- Полноте, вы в отличной форме. А жизнь в ста случаях из ста заканчивается смертью, – пошутил Уолтер. – Я, например, могу через мгновение погибнуть под колесами автобуса, выйдя из телефонной кабины.

- Задержите Эдриена любым способом, убедите ничего не предпринимать в ближайшие дни. И главное – не пускайте в консульство и не позволяйте общаться с китайскими властями.

- Зачем вам это?

- А затем, что партия, которую нам предстоит разыграть, требует дипломатического такта, а Эдриен в этой области талантом не блещет.

- Могу я узнать, что вы задумали?

– В шахматах это называют рокировкой, подробней расскажу через день-два. Прощайте, Уолтер, и будьте осторожны, переходя через улицу...

Закончив разговор, Уолтер решил прогуляться.

Лондон, Сент-Джеймс-сквер

Черное такси остановилось перед фасадом элегантного викторианского особняка. Айвори вышел, расплатился с шофером, взял свой багаж, дождался, когда машина уедет, и потянул за висевшую справа от кованой двери цепочку. Зазвенел колокольчик, Айвори услышал приближающиеся шаги, и дворецкий открыл дверь. Айвори протянул ему визитную карточку:

– Не сочтите за труд передать вашему нанимателю, что я прошу принять меня и что дело не терпит отлагательств.

Слуга ответил, что очень сожалеет, но хозяина нет дома и связаться с ним будет затруднительно.

– Не знаю, уехал ли сэр Эштон в Кент, в охотничий домик или к одной из любовниц, – мне, честно говоря, на это плевать. Но знайте: если я уеду, не повидавшись с вашим, как вы его называете, хозяином, он может очень на вас рассердиться. Итак: я прогуляюсь по вашему шикарному кварталу, а когда вернусь и снова позвоню в дверь, вы сообщите мне адрес, где сэр Эштон со мной встретится.

Айвори сошел с крыльца и зашагал по улице, небрежно помахивая сумкой. Через десять минут, когда он прогуливался вдоль ограды, у тротуара остановилась роскошная машина. Водитель вышел и распахнул перед Айвори дверцу: ему приказали доставить гостя в поместье, находящееся в двух часах езды от Лондона.

Английская деревня осталась такой же прекрасной, какой ее помнил Айвори; конечно, здесь не было ни просторов, ни сочной зелени его родной Новой Зеландии, но пейзаж за окном радовал глаз.

Удобно устроившись на заднем сиденье, Айвори отдыхал. Около полудня скрип гравия под колесами автомобиля разбудил его. Машина проехала по широкой, обсаженной аккуратно подстриженными эвкалиптами аллее и остановилась у портика с колоннами, обвитыми штокрозами. Слуга провел Айвори в маленькую гостиную, где его ждал хозяин дома.

- Коньяк, бурбон, джин?

- Стакана воды будет достаточно. Приветствую вас, сэр Эштон.

- Кажется, мы не виделись двадцать лет?

- Двадцать пять, и не говорите, что я не изменился, будем смотреть правде в глаза - мы оба постарели.

- Думаю, вы пришли не для того, чтобы сетовать на старость.

- Представьте себе, именно для этого! Сколько у нас времени?

- Вы мне скажите, раз уж навязались в гости.

- Я не о том. Я спрашивал, сколько нам осталось на этой Земле. В нашем возрасте - лет десять. Или больше?

- Почем мне знать? Да я об этом и не думаю.

- У вас великолепное поместье, - похвалил Айвори, разглядывая парк за большими окнами. - Говорят, ваша резиденция в Кенте ничуть не хуже.

- Я передам ваши лестные слова моим архитекторам. Вы об этом хотели со мной побеседовать?

- Одна беда со всей этой собственностью - на тот свет ее с собой не заберешь. Копишь богатства, выбиваешься из сил, приносишь жертвы, а в последний день жизни все это становится никому не нужным. Даже если вы навечно припаркуете перед кладбищем ваш красавец «ягуар», так изящно отделанный кожей и деревянными панелями!

– Эти богатства, дорогой мой, перейдут по наследству к следующим поколениям, как мы получили их от наших отцов.

– Недурное наследство в вашем случае, я полагаю.

– Не хочу сказать, что ваше общество мне неприятно, но я очень занят, так что объясните, к чему вы клоните.

– Времена изменились, вот о чем я размышлял вчера за чтением газет. Крупные финансисты попадают за решетку и до конца дней гниют в тесных камерах. Прощайте, особняки и роскошные палаццо – девять метров квадратных, да и то, если это VIP-отсек! А наследники сорят деньгами, пытаются сменить имя, чтобы смыть семейный позор. Хуже всего то, что никому больше не гарантирована неприкосновенность. Уйти от наказания – бесценная роскошь даже для самых богатых и сильных мира сего. Головы летят, одна за другой, это нынче в моде. Вы лучше меня знаете, что политики больше не генерируют идей, а те, что они выдают, малопримлемы. Ущербность социальных проектов проще всего замаскировать, подпитывая измененные чувства народных масс, в том числе нетерпимость к «иным». Невероятное богатство одних в ответе за нищету других, сегодня все это знают.

– Надеюсь, вы приехали не для того, чтобы докучать мне революционной прозой и жаждой социальной справедливости?

– Революционной прозой? Боже упаси, я консерватор до мозга костей. Все дело в справедливости.

– Переходите к делу, Айвори, вы начинаете меня утомлять.

– Хочу предложить вам сделку, нечто из области справедливости, как вы говорите. Могу обменять ключ от камеры, куда вы обязательно попадете и где закончите свои дни, если я опубликую в «Дейли ньюс» или в «Обсервер» досье, которое собрал на вас, на свободу молодой археологини. Теперь понимаете, о чем я?

– Что за досье? И по какому праву вы угрожаете мне в моем доме?

– Торговля влиянием, незаконное участие в делах, подкуп депутатов парламента, конфликт интересов в ваших компаниях, злоупотребление бюджетными средствами, уход от налогов... вы тот еще тип, старина, ни перед чем не останавливаетесь, даже перед заказным убийством ученого. Что за яд использовал ваш киллер, чтобы избавиться от Эдриена, и как он его ввел? С выпитым в аэропорту соком? В стаканчике с водой перед взлетом? Или это был контактный яд? Укольник во время паспортного контроля? Теперь уже все равно, так удовлетворите мое любопытство!

– Вы просто смешны, мой бедный друг.

– Легочная эмболия на борту самолета, совершающего длительный перелет в Китай. Для шпионского романа заголовок длинноват, тем более что идеального убийства не получилось!

– Ваши нелепые и необоснованные обвинения мне глубоко безразличны, уходите, пока я не приказал выкинуть вас вон.

– В наше стремительное время редакторы не успевают проверять подлинность информации, былая щепетильность принесена в жертву большим тиражам. Трудно их за это упрекнуть, Интернет – опасный конкурент. Газета с разоблачительной статьей о лорде Эштоне будет отлично продаваться! И не надейтесь умереть раньше окончания работы комиссии по расследованию вашей деятельности! Реальная власть перешла от парламента и судов к газетам: они затевают процессы, предоставляют доказательства, выслушивают показания жертв; судьям остается лишь вынести приговор. Что до личных связей, ни на кого нельзя положиться. Ни одно правительство не рискнет скомпрометировать себя, особенно ради одного из своих чиновников. Слишком силен страх перед гангреной. Судебная власть отныне независима – слава демократии! Вспомните того американского финансиста, затеявшего крупнейшую аферу века: не прошло и двух, ну, может, трех месяцев, как его осудили и посадили.

– Чего вы от меня хотите, черт бы вас побрал?

– Вы что, не слушали? Я ведь сказал – пустите в ход свои связи и освободите мою молодую подругу. А я, так уж и быть, никому не скажу о том, как вы, старый безумец, злоумышляли против нее и ее друга! Если я сообщу, что вы приказали убить Кейру, а когда не вышло, подстроили все так, чтобы ее бросили в тюрьму,

вас вышвырнут из совета и заменят кем-нибудь пореспектабельней.

– Вы чудовищно смешны, и я не понимаю, о чем вы.

– Тогда мне остается лишь откланяться, сэр Эштон. К чему злоупотреблять вашим великодушием? Буду признателен, если ваш шофер довезет меня до станции: не подумайте, что я не люблю ходить пешком, но если на обратном пути со мной вдруг что-нибудь случится, это произведет гнетущее впечатление.

– Моя машина в вашем распоряжении, езжайте куда хотите, только убирайтесь поскорее!

– Очень благородно с вашей стороны. Не хочу оставаться в долгу. Даю вам время подумать до вечера, я остановился в «Дорчестере», звоните, не стесняйтесь. Мой человек произведет рассылку доверенных ему документов только завтра – конечно, если я не отменю свое поручение. Уверяю вас, учитывая содержание документов, моя просьба вполне разумна.

– Вы совершаете грубую ошибку, пытаетесь шантажировать меня подобным образом.

– Кто говорит о шантаже? Я не извлекаю никакой личной выгоды из этой маленькой сделки. Сегодня чудесный день, не правда ли? Оставляю вас наслаждаться погодой.

Айвори взял сумку и, не дожидаясь дворецкого, пошел по коридору к выходу. Куривший у розария шофер бросился к машине и открыл дверцу.

– Не торопитесь, друг мой, курите в свое удовольствие, – сказал Айвори, – я никуда не спешу.

Из окна кабинета сэр Эштон наблюдал, как Айвори устраивается на заднем сиденье «ягуара». Когда машина скрылась из виду, он дал волю гневу. Скрытая стеллажом дверь открылась, и в комнату вошел человек.

– Я совершенно потрясен, должен признаться, что не ожидал ничего подобного.

– Этот старый дурак явился в мой дом и угрожал мне! Кем он себя возомнил?

Гость сэра Эштона ничего не ответил.

– В чем дело? Почему вы на меня так смотрите? Только не говорите, что согласны с ним! – вскипел сэр Эштон. – Если эта развалина осмелится в чем бы то ни было обвинить меня публично, свора моих адвокатов сожрет его живьем. Мне не в чем себя упрекнуть, надеюсь, вы в этом не сомневаетесь?

Его собеседник налил себе из хрустального графина стакан портвейна и выпил залпом.

– Вы скажете наконец хоть что-нибудь? – грозным тоном спросил сэр Эштон.

– Предпочел бы выругаться. Уверен, через несколько дней, максимум недель, вы бы меня простили.

– Уйдите, Вакерс, вы мне надоели – вы, ваша спесь и ваша дерзость.

– Помилуйте, какая дерзость? Я искренне огорчен случившимся, но на вашем месте не стал бы недооценивать Айвори; как вы сами сказали, он слегка безумен, а значит, вдвойне опасен.

И Вакерс вышел, не добавив ни слова.

Лондон, отель «Дорчестер», вечер

Айвори разбудил телефонный звонок. Он открыл глаза и взглянул на стоявшие на каминной полке часы. Разговор вышел коротким. Выждав несколько минут, он достал сотовый и набрал номер:

– Хочу вас поблагодарить: он только что звонил, вы очень помогли.

– Ничего особенного я не сделал.

– Напротив, друг мой. Что скажете насчет партии в шахматы? В Амстердаме, у вас, в следующий четверг. Договорились?

Поговорив с Вакерсом, Айвори сделал последний звонок. Уолтер внимательно выслушал его инструкции и не преминул поздравить с мастерским ходом.

– Не питайте иллюзий, Уолтер, наши проблемы куда как далеки от разрешения. Даже если мы вытащим Кейру, ее жизнь не будет в безопасности. Сэр Эштон не отступится после того, как я «достал» его на его же территории, но выбора не было. Он отыграется при первом удобном случае, уж вы мне поверьте. Пусть все останется между нами, Эдриена тревожить ни к чему. Незачем ему знать, как он попал в больницу.

– А что мне говорить о Кейре?

– Сочиняйте, пустите в ход фантазию, скажите, что получили сведения от вашего «осведомленного источника».

Афины, на следующий день

Элена и мама провели все утро у моей постели; с тех пор как я угодил в больницу, они каждый день садились на первый паром, уходивший с Гидры в семь часов, в восемь прибывали в Пирей и мчались на автобус, через полчаса доставлявший их к больнице. Наскоро позавтракав в кафетерии, они поднимались ко мне в палату с домашней едой, цветами и пожеланиями скорейшего выздоровления от всей деревни. К вечеру они уезжали на автобусе в Пирей, садились на последний паром и возвращались домой. За время моей болезни Элена ни разу не открывала магазин, а мама все время стояла у плиты, и любовно приготовленные блюда скрашивали жизнь ухаживающих за ее сыном медсестер.

Наступил полдень, и их нескончаемая болтовня утомила меня больше, чем рецидив этой гнусной пневмонии.

Когда в дверь постучали, они мгновенно умолкли. Я никогда ничего подобного не видел, это было так же удивительно, как если бы в солнечный день разом притихли все цикады. Вошедший Уолтер сразу заметил мое изумление.

– Что, в чем дело? – всполошился он.

– Ни в чем, все в порядке.

– Не все, судя по вашим лицам.

– Успокойтесь, Уолтер, мы с моей мамой и моей прелестной тетушкой Эленой кое-что обсуждали, когда вы вошли, только и всего.

– Что именно вы обсуждали?

Мама решила вмешаться:

– Я говорила, что эта болезнь может иметь неожиданные последствия.

– Но почему? Врачи что-то сказали? – разволновался Уолтер.

– О, они считают, что Эдриен сможет выписаться на следующей неделе, но я, его мать, утверждаю, что мой сын слегка поглупел: таков медицинский диагноз, если хотите знать. Пригласите мою сестру выпить чашечку кофе, Уолтер, а я пока скажу несколько слов Эдриену.

– Буду счастлив подчиниться, но сначала сам с ним поговорю. Не хмурьтесь, это мужской разговор.

– Ну что же, – сказала Елена вставая, – мы уходим, раз нам тут больше не рады!

И она увела мою мать, оставив нас с Уолтером наедине.

– У меня прекрасные новости, – сообщил он, присаживаясь на край кровати.

– Начните с плохой.

– Паспорт будет нужен через шесть дней, но мы не можем получить его без Кейры.

– Не понимаю, о чем вы.

– Конечно, не понимаете, но вы сами попросили начать с плохой новости. Ваш вечный пессимизм очень утомляет. Ладно, слушайте внимательно, потому что уж если я обещал хорошую новость, она и правда хорошая. Я говорил, что у меня есть кое-какие высокопоставленные друзья в Академии?

Уолтер объяснил, что у нашей Академии есть совместные исследовательские программы с несколькими крупными китайскими университетами. Я этого не знал. Он добавил, что после череды командировок появились дипломатические завязки разного уровня. Уолтеру удалось запустить закулисный механизм: китайская аспирантка, заканчивающая диссертацию в Академии, чей отец – высокопоставленный судья, дипломаты консульской службы Ее Величества, английский консул в Турции, много лет работавший в Пекине и сохранивший отношения с несколькими высокопоставленными функционерами... Колесишки крутились, соединяя страны и континенты, последний щелчок прозвучал в провинции Сычуань. Отношение местных властей изменилось в лучшую сторону: с некоторых пор они стали интересоваться, насколько добросовестно сделал свою работу адвокат, защищавший молодую француженку. По-видимому, из-за проблем с переводом он не объяснил судье, что приговоренная к тюремному сроку за отсутствие документов иностранка в действительности имела оформленный честь по чести паспорт. Власти проявили добрую волю, судейского чиновника повысили, а Кейру помилуют, если мы быстро представим это новое доказательство в суд Чэнду. Дальше все просто: полетим и вывезем ее за пределы Китайской Народной Республики.

– Это правда? – Я вскочил и заключил Уолтера в объятия.

– Я похож на шутника? Могли бы из вежливости заметить, что я, не желая длить вашу муку, выпалил все на едином дыхании!

Я был так счастлив, что закружил Уолтера в вальсе по больничной палате, и тут вошла мама. Взглянула на нас и... закрыла дверь.

Мы слышали, как она вздыхает в коридоре, а тетушка Елена говорит ей: «Не начинай снова!»

Голова у меня закружилась, пришлось вернуться в постель.

- Но когда же ее освободят?

- Итак, вы забыли ту маленькую новость, которую я сообщил вам прежде хорошей. Придется повторить. Китайский судья согласен освободить Кейру, если мы предоставим ее паспорт через шесть дней. Поскольку пропуск на волю лежит на дне реки, нам нужен новый. В отсутствие заинтересованного лица и в такие короткие сроки его практически невозможно оформить. Теперь понимаете, какая у нас проблема?

- Всего шесть дней?

- Минус один на то, чтобы попасть в Чэнду; значит, на изготовление паспорта остается пять дней. Без чуда нам не обойтись.

- Паспорт непременно должен быть новым?

- На случай, если легочная инфекция затронула ваш мозг, сообщаю: я не пограничник! Вообще-то, если срок документа не истек, он вполне сгодится. Но к чему этот вопрос?

- У Кейры двойное гражданство – французское и английское. С мозгами у меня все в порядке, спасибо, что спросили, и я очень хорошо помню, что в Китай она въехала по британскому паспорту, в него ей поставили визу, я сам забирал наши документы в турагентстве. Паспорт Кейра всегда держала при себе. Мы перетряхнули ее сумку, когда нашли микрофон, и я уверен, что французского паспорта там не было.

- Радостная новость, но тогда где он? Не хочу вас огорчать, но у нас почти нет времени на поиски.

- Я понятия не имею, где может быть этот треклятый паспорт...

– Мы не слишком продвинулись. Я сделаю несколько звонков и вернусь. Ваша тетушка и ваша мама ждут за дверью, не хочу, чтобы они считали нас невежами.

Уолтер вышел, а мама и тетушка Елена вошли. Мама устроилась в кресле и молча включила телевизор, висевший на стене напротив кровати. Елена улыбнулась.

– Уолтер – очаровательный человек, правда? – спросила она, присаживаясь на краешек кровати.

Я бросил на нее многозначительный взгляд: не стоило говорить об этом при маме.

– И красивый, ты не находишь? – продолжила она, игнорируя мой намек.

Не отворачиваясь от экрана, мама ответила вместо меня:

– И к тому же молодой, если хочешь знать мое мнение! Но не обращайтесь на меня внимания! Мой сын «по-мужски» поговорил со своим другом, а теперь беседует с теткой, что может быть естественней; матери не в счет! Как только передача закончится, пойду поболтаю с сестрами. Кто знает, возможно, они сообщат мне новости о сыне.

– Теперь ты понимаешь истоки выражения «греческая трагедия»... – Елена украдкой подмигнула мне, а мама убрала звук, чтобы не упустить ни слова из нашего разговора.

Мама смотрела документальный фильм о кочевых племенах, населявших высокогорные тибетские плато.

– Надоело, в пятый раз показывают, – вздохнула она, выключая телевизор. – Почему у тебя такое лицо?

– В фильме была маленькая девочка?

– Не знаю, возможно, а что?

Я предпочел не отвечать. В дверь постучал Уолтер. Елена предложила ему сходить в кафетерий, чтобы ее сестра могла единолично насладиться общением с сыном. Уолтер не заставил себя уговаривать.

– Чтобы я насладились общением с сыном... Как же, как же! – воскликнула мама, как только за ними закрылась дверь. – Ведет себя, как юная барышня. Просто смешно.

– Влюбиться можно в любом возрасте, к тому же она счастлива.

– Она счастлива не потому, что влюблена, а потому, что за ней ухаживают.

– А ты сама могла бы начать новую жизнь? Ты достаточно долго носишь траур. Впустив в свой дом другого человека, ты не забудешь папу.

– Удивительно слышать такое от тебя! В моем доме не будет другого мужчины, кроме твоего отца. Он лежит в могиле, но остается со мной, я говорю с ним каждый день, когда просыпаюсь, вожусь на кухне, занимаюсь цветами на террасе, иду по дороге в деревню и вечером, перед сном. Твоего отца больше нет, но я не одинока. Елена – другое дело, ей не повезло встретить такого человека, как мой муж.

– Лишний повод позволить ей флиртовать, согласна?

– Я желаю твоей тетке счастья, но не с другом моего сына. Возможно, я старомодна, но каждый имеет право на недостатки. Ей следовало увлечься другом Уолтера, который приходил навестить тебя.

Я сел на постели. Мама тут же принялась поправлять мне подушки.

– Что за друг?

– Не знаю, я видела его в коридоре несколько дней назад, ты еще спал. Мы не познакомились – когда я вошла, он как раз уходил. Высокий, статный, загорелый, очень элегантный. И лет на двадцать старше Элены.

– И ты даже предположить не можешь, кто он такой?

– Я едва его видела. Теперь отдыхай и набирайся сил. Давай сменим тему, я слышу воркование наших голубков в коридоре, они вот-вот войдут.

Элене с мамой нужно было поторопиться, чтобы успеть на паром. Уолтер проводил их до лифта и вернулся.

– Ваша тетушка поведала мне несколько уморительных эпизодов из вашего детства.

– Да уж, веселья тогда хватало!

– Вас что-то беспокоит, Эдриен?

– Мама сказала, что несколько дней назад какой-то ваш друг приходил навестить меня. Кто это был, Уолтер?

– Ваша матушка, должно быть, ошиблась. Наверное, это был один из посетителей, да, именно так, пожилой господин искал палату родственницы, я послал его в сестринскую.

– Думаю, я знаю, как достать паспорт Кейры.

– Вот это уже интересно, рассказывайте.

– Попросим помощи у ее сестры Жанны.

– Вы знаете, как с ней связаться?

– Да... вернее, нет, – смущенно ответил я.

– Так да или нет?

– Я до сих пор не рассказал ей о случившемся.

– За три месяца?

– Мне не хватило мужества сообщить ей о смерти Кейры по телефону, а ехать в Париж не было сил.

– Позорное малодушие! Вы хоть понимаете, как она волнуется? Но почему она сама не дала о себе знать?

– Случалось, Жанна и Кейра месяцами не общались.

– Вам следует как можно скорее ей позвонить, сегодня же, вам ясно, Эдриен?

– Нет, я должен с ней увидеться.

– Не смешите меня, вы прикованы к постели, а времени у нас нет, – возразил Уолтер, протягивая мне телефонную трубку. – Договоритесь со своей совестью и звоните немедленно.

Я так и сделал: как только Уолтер оставил меня одного, набрал номер музея на набережной Бранли. Жанна была на совещании, и соединить меня с ней отказались. Я снова и снова набирал номер, пока телефонистка не сказала, что упорствовать бесполезно. Я понимал, что Жанна просто не желает со мной разговаривать, обвиняя в молчании Кейры и в том, что я тоже не давал о себе знать. Я сделал последнюю попытку и объяснил, что должен немедленно поговорить с Жанной и что от этого зависит жизнь ее сестры.

– С Кейрой что-то стряслось? – прерывистым голосом спросила Жанна.

– С нами обоими, – ответил я с тяжелым сердцем. – Мне нужна ваша помощь, Жанна.

Я поведал ей нашу историю, опустив подробности трагического происшествия на Хуанхэ, сказал, что Кейра вне опасности, но из-за нелепой истории с документами ее арестовали и задерживают в Китае. Я не произнес слова «тюрьма», чувствуя, что каждое мое слово убивает Жанну, она едва сдерживала рыдания, да и я разволновался. Я не слишком хорошо умею врать, и Жанна почти сразу поняла, что ситуация куда хуже, чем я описываю. Она заставила меня несколько раз поклясться, что ее младшая сестра жива и здорова. Я пообещал привезти Кейру домой целой и невредимой и объяснил, что для этого

нужно как можно скорее найти ее паспорт. Жанна понятия не имела, где он, но сказала, что немедленно отправится домой, перевернет все вверх дном и перезвонит.

Повесив трубку, я впал в тоску. После разговора с Жанной во мне снова проснулся страх за судьбу Кейры.

Никогда еще Жанна не перемещалась по Парижу с такой скоростью. Она трижды проехала на красный свет на набережных, едва не врезалась в грузовик, на мосту Александра III ее маленькую машину занесло, и вокруг возмущенно загудели клаксоны. Жанна мчалась по отведенной для автобусов полосе, ехала по тротуару вдоль забитого автомобилями бульвара, чуть не сбила велосипедиста, но каким-то чудом все-таки добралась до дома.

В парадном она постучала в дверь консьержки и упросила ее помочь в поисках. Мадам Эрейра впервые видела Жанну в подобном состоянии. Лифт стоял на четвертом этаже, и они побежали по лестнице. В квартире Жанна велела консьержке обыскать гостиную и кухню, а сама занялась спальней. Они открывали все шкафы, вытряхивали содержимое ящиков. Через час в квартире царил такой разгром, какого не удалось бы учинить ни одному грабителю. Книги были сброшены с полок, кресла перевернуты, одежда валялась на полу. Они искали даже в постели, и Жанна начала терять надежду, но тут из прихожей донесся победный клич мадам Эрейры. Служившая письменным столом консоль являла собой печальное зрелище, но консьержка торжествующе размахивала книжечкой в бордовой обложке. Жанна схватила женщину в объятия и звонко расцеловала в обе щеки.

Уолтер вернулся в гостиницу, так что, когда Жанна позвонила, я был в палате один и попросил ее поговорить со мной, рассказать что-нибудь об их с Кейрой детстве. Жанна с радостью согласилась – она скучала по сестре так же сильно, как я, пообещала отослать паспорт экспресс-почтой, я продиктовал адрес афинской больницы, и в конце разговора она наконец спросила, как я себя чувствую.

День спустя, во время обхода, врачи задержались в моей палате дольше обычного. Заведующий отделением пульмонологии все еще не был уверен в

диагнозе. Ни один врач не мог объяснить, почему легочная инфекция развивалась так стремительно. Поднимаясь на борт самолета, я превосходно себя чувствовал. Профессор сказал, что, не оповести бортпроводница командира и не прими тот решения повернуть назад, живым я бы до Пекина не долетел. Доктора точно знали, что это не вирус, однако видели подобные симптомы впервые в жизни. Впрочем, главным было то, что мой организм хорошо отреагировал на лечение. Я находился на волосок от смерти, но теперь худшее позади. Еще несколько дней, и можно будет вернуться к нормальной жизни. Завотделением пообещал выписать меня через неделю. Врачи ушли, а мне принесли конверт от Жанны со спасительным документом и запиской.

«Привезите ее домой как можно скорее, полагаюсь на вас, она – моя семья».

Я сложил записку и раскрыл паспорт. На фотографии Кейра выглядела чуть моложе. Я начал одеваться.

Вошедший Уолтер застал меня в рубашке и трусах и поинтересовался, что это я делаю.

– Отправляюсь за ней, и даже не пытайтесь меня разубеждать, впустую потратите время.

Уолтер не только не стал тратить время попусту, но и помог мне сбежать. Он часто сетовал на то, что жизнь в больнице замирает, когда в Афинах начинается сиеста; теперь это оказалось нам на руку. Уолтер караулил в коридоре, пока я собирал вещи, а потом повел к лифтам, следя, чтобы не столкнуться с кем-нибудь из медперсонала.

На пороге соседней палаты стояла маленькая девочка в пижаме с божьими коровками. Она помахала Уолтеру рукой.

– Привет, шалунья, – сказал он, – мама еще не пришла?

Уолтер обернулся, и я понял, что они с моей соседкой хорошо знакомы.

– Она часто наносила вам визиты, – сообщил он, подмигивая малышке. Та посмотрела на меня и звонко рассмеялась. Щеки у нее были румяные, как

яблочки.

Мы успешно добрались до первого этажа, столкнувшись в лифте только с санитаром, но он на нас внимания не обратил. Когда двери кабины открылись в холле больницы, мы нос к носу столкнулись с мамой и тетушкой Эленой, и бегство превратилось в кошмар. Мама начала истерически кричать, спрашивая, почему я не в постели. Я взял ее за руку, умоляя выйти на улицу и не поднимать шума. Попроси я ее станцевать сиртаки посреди кафетерия, шансов на успех было бы больше.

– Врачи позволили ему немного прогуляться, – сказал Уолтер, пытаясь успокоить маму.

– И он зачем-то взял с собой сумку! Не морочьте мне голову, лучше найдите мне место в отделении гериатрии! – рявкнула она и повернулась к проходившим мимо санитарам. Я угадал ее намерение: схватить меня и вернуть в палату, если понадобится – силой.

Я посмотрел на Уолтера, и мы поняли друг друга без слов. Мама завопила, а мы рванули к дверям и успели выскочить наружу прежде, чем охранники среагировали на мамины призывы поймать меня.

Я был не в лучшей форме и на углу улицы сильно закашлялся, стало трудно дышать, грудь жгло, сердце колотилось как безумное. Уолтер обернулся, увидел бегущих к нам охранников и проявил редкостное присутствие духа и изобретательность. Он захромал к ним и сказал, что его сбили с ног два типа, побежавшие на прилегающую к больнице улицу. Охранники кинулись в погоню, Уолтер подозвал такси, и мы уехали.

По дороге он был так молчалив, что я даже забеспокоился, не понимая, что могло повергнуть его в такое уныние.

Номер Уолтера стал нашим генеральным штабом, где мы готовились к моему путешествию. Кровать была достаточно широкой для нас обоих: Уолтер уложил по всей длине валик, размежевав территорию. Я отдыхал, а он проводил дни у телефона, время от времени выходя – проветриться, по его собственным словам. Со мной он почти не разговаривал.

Не знаю, каким чудом Уолтер за сорок восемь часов получил для меня китайскую визу. Я раз сто поблагодарил его, не переставая тревожиться: со дня нашего побега из больницы он очень изменился.

В один из вечеров – мы ужинали в номере, и Уолтер включил телевизор, чтобы не общаться со мной, – я отнял у него пульт и нажал на кнопку выключения.

– За что вы на меня дуетесь?

Уолтер вырвал у меня пульт и снова включил телевизор.

Я поднялся, выдернул вилку из розетки и встал перед ним:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://telnovel.com/mark-levi/pervaya-noch-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)